

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*Засекреченный
свидетель*

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Засекреченный свидетель

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Засекреченный свидетель / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Марш Турецкого)

Сочи... От самого этого слова веет беззаботностью и весельем. Но жестокая реальность зачастую не совпадает с мечтами и фантазиями. Во время служебной командировки в сочинском отеле гибнет глава российского Олимпийского комитета. Расследование трагедии поручено оперативно-следственной группе Александра Борисовича Турецкого. В ходе проводимых мероприятий выясняется, что это не единственная смерть, связанная со злоупотреблениями в руководстве российского спорта. Преступники изобретательны, осторожны, жестоки и стараются не оставлять свидетелей...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	23
Глава 3	30
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Пролог

1

Лара не торопилась. Именно эта возможность никуда не спешить перед стремительным спуском и была для нее самым лучшим отдыхом на свете. Потому что ей вот уже несколько лет вообще уже нигде не удавалось не торопиться. При этом, несмотря на спешку, все реже получалось успевать к сроку. Всегда не хватало последнего дня, чтобы подчистить и довести до ума сдаваемый редактору материал. Не хватало часа, чтобы привести себя в полный порядок, собираясь на презентацию или бьеннале. Минуты какой-нибудь не хватало, чтобы в постели получить наслаждение...

«Нет, нет, нельзя о всякой ерунде думать в такие благословенные мгновения!» – Девушка недовольно сморщила носик, помотала головой, отгоняя несвоевременные мысли, вдохнула полной грудью и посмотрела вниз.

Со стартовой площадки снежный склон как-то вообще не наблюдался, сразу уходил куда-то под нее – отрицательным углом – и появлялся только несколькими десятками метров ниже. Сегодня Лариса выбрала целину. Она привлекала журналистку непредсказуемостью. И тем, что для ее преодоления требовалось недюжинное мастерство. Катаясь по рыхлому глубокому снегу на нешироких лыжах, нельзя сосредотачивать вес тела на одной из них, нужно распределять его аккуратно и осторожно – и это лыжница умела. Тут надежды на кант невелики, и даже новомодные карвинговые лыжи, будто бы сами режущие поворот, – не гарантия успеха, если ты не можешь гармонично управлять телом. Хотя никто, даже ас, не гарантирован от эффектного, взметающего тучи снега, падения. Да и вообще, если честно, нет «правильного» способа катания по целине, кроме того, чтобы просто получать удовольствие. Просто радоваться тому, что белая пушистая пелена окружает тебя со всех сторон, а фонтан снега достает до самого лица...

Лариса широко улыбнулась, блеснув отбеленными зубами. Где-то там, внизу, в ресторанчике горнолыжного комплекса «Альпика-сервис», ее ждет Виталик. Он согревает в ладони бокал с коньяком и высматривает ее на склоне. Оттуда не увидеть, не различить даже ее ярко-оранжевую «спайдеровскую» куртку с капюшоном, отороченным мехом серебристой лисы. Но когда она спустится с четвертой до второй очереди – с самого хребта Аибга в полосу лесов – Виталик ее узнает. Непременно узнает, улыбнется, а его ярко-синие глаза радостно заблестят...

Интересно, какой сюрприз он ей готовит?

Рано утром он шепотом, стараясь не разбудить ее, нашептывал что-то в телефонную трубку. Нет, замуж не позовет, конечно, – кишка тонка у телохранителя. Но что-нибудь приятное в честь женского дня наверняка придумает.

И вообще, хороший выдался праздник в этом году. У нее образовалась целая неделя до сдачи статьи в ежемесячник «Совершенно открыто» – она специально так спланировала загодя. И билеты заказала до Сочи, и номер забронировала в Красной Поляне. И даже приобрела новую экипировку, готовясь к поездке, особенно хороши дорожные K2 последней модели: карвинговые, но с несильно зауженной талией, что оставляло возможность опытной спортсменке чувствовать всю полноту власти над лыжами, будто это обычная «классика».

В отель нового горнолыжного развлекательного центра «Вертикаль» они с Виталиком въехали с самой первой партией отдыхающих – сразу после открытия. И Лара до сих пор нарадоваться не могла на двухкомнатный люкс, отвечавший самым строгим европейским стандартам – со стильным интерьером, оснащенный телефоном, спутниковым телевидением, мини-

баром и системой кондиционирования. Девушка представила себе, как вечером они согреются в сауне отеля, поплавают в бассейне, посидят в уютном ресторане. Благодарь!

Кстати, сам поселок Эсто-Садок, где расположилась «Вертикаль», километра на три ближе к подъемникам «Альпика-сервиса», чем Красная Поляна. Прямо к их приезду и новую кресельную дорогу в работу запустили. Таких-то и в Альпах – раз, два и обчелся. К тому же это ведь только начало. В недалеком будущем здесь выстроят огромный горнолыжный комплекс. Лара вспомнила суммы, запланированные на развитие отдыха в этих благословенных краях. Цифры эти она намеревалась привести в новой статье, как и другие – интересные, но не столь приятные – цифры...

Кто вообще собирается «осваивать» эти перспективные края? Разумеется, перво-наперво акционерное общество «Поляна». Оно и учреждено администрациями Краснодарского края и города Сочи на паритетных началах четыре года назад с целью создания и развития туристско-спортивного горноклиматического комплекса. Администрации привлекли французов и разработали проект туристско-спортивного комплекса «Карусель». На северных склонах горного хребта Аибга планируется обустройство около 75 километров горнолыжных трасс, строительство двух с лишним десятков подъемников гондольного, кресельного и бугельного типа, гостиниц и горнолыжной школы. Строить начали в прошлом году, закончить планируют к 2010-му. Стоить это удовольствие, по предварительным прикидкам, будет около 350–400 миллионов долларов. Хотя, надо думать, в процессе работ эта цифра значительно подрастет.

Самый старый игрок на этом рынке – «Альпика-сервис». Это фирма довольно долго была монополистом и почивала на лаврах больше десяти лет. Но в последнее время, чувствуя дыхание конкурентов, встрепенулась. И новый горнолыжный комплекс «Вертикаль» сдала раньше других. Именно на ее новых трассах сейчас имеет возможность наслаждаться лыжами Лариса. Но объемы ее вложений по сравнению с новыми монстрами относительно невелики.

А самый амбициозный проект, разумеется, у вездесущего концерна «Диалог».

В течение всего лишь трех ближайших лет «Диалог» с партнерами планирует вложить около 140 миллионов долларов собственных средств в создание массового горнолыжного курорта мирового класса «Роза Хутор». Однако намеревается привлечь и сторонние инвестиции, в том числе бюджетные, на сумму около 6 миллиардов долларов. После реализации проекта общая протяженность трасс нового курорта составит около 55 километров, на которых смогут кататься 9500 человек ежедневно. Продолжительность лыжного сезона здесь – до 180 дней в году. Особо отмечается на всех уровнях, что проект будет реализован с использованием современных природоохранных технологий, что позволит сохранить уникальную экологическую систему в районе плато Роза Хутор.

Весьма солидные деньги начинают вращаться в горнокурортном бизнесе. Тем интереснее суммы, которые осядут в карманах главных строителей этого прекрасного местечка...

Ладно, не время о работе. Готовую уже статью, которая грянет громом среди ясного неба над головами строительных воротил, Лариса вечером окончательно вычитает и подчистит.

А пока она лишь усмехнулась, припомнив, скольких знакомых «звезд» встретила на трассах за проведенные тут четыре дня. Первая бизнес-леди России Ирида Накамура, модная рок-певица Вагрушка, светская львица Алина Кошак... Проще перечислить тех, кто сюда еще не прилетел.

В общем, вскорости на въезде в Красную Поляну можно будет вешать плакат: «Добро пожаловать в наш, российский Куршевель!»

А что? Ничем ведь не хуже! Лара еще раз окинула взором окрестности. Господи, какая красота! Кто не видел серебристых водопадов, срывающихся со скал, белопенной кипящей Мзымты, пробивающей дорогу в тесных ущельях, белых караванов облаков над Главным Кавказским хребтом, тот просто не вправе заявлять, что видел Сочи...

Лариса надела наконец новомодные лыжи, проверила крепления, поправила очки и шлем, взяла в руки палки. «Ну, Лара, с Богом!» – сказала она себе, хотела перекреститься перед спуском, но поймала себя на мысли – руки-то заняты.

Лыжница глотнула воздух, резко оттолкнулась палками и ринулась вниз, закладывая крутые виражи и скрываясь после каждого из них в легких снежных облаках. Снизу, с трасс, укатанных ратраками, на спортсменку с восторгом и завистью смотрели «чайники», мечтающие, что наступит однажды день, когда и они вот так же понесутся по заснеженному склону.

Яркая оранжевая фигурка, то скрываясь за рельефом снежных склонов, то выныривая на видимых участках, быстро приближалась. И вот уже она несется по широкой просеке на плотном снегу лесополосы. Лариса даже представила себя со стороны: безукоризненная стойка, отточенные движения, модная экипировка...

На небольшом бугорке, на который лыжница и внимания-то не обратила, что-то вдруг негромко хрустнуло, и правая лыжа, отделившись от ботинка, круто вильнула в сторону. Стараюсь удержаться, девушка нечаянно зацепилась ногой за снег, окончательно потеряла равновесие, опрокинулась на бок и, раскинув руки, все еще отчаянно пыталась притормозить и повернуть влево, куда предательски заворачивала укатанная трасса. Тщетно. На нее со скоростью автомобиля уже неслись стволы ясеневоего леса.

С треском рассыпался шлем. Говорят, чтобы выдержать прямой удар на скорости пятьдесят верст в час, толщина пластика должна быть около 18 сантиметров. Кто видел такие шлемы?

Мелькнула последняя бысролетная мысль: о чем это по телефону утром шептался Виталий? Узнать бы, что за сюрприз он подготовил ей к празднику...

Но додумать Лара уже не успела. Сознание девушки потухло, спасая от нестерпимой боли, и она погрузилась в распахнутый тоннель слепящей тьмы.

2

– ...Рыжебородый сын герцога Швабского Фридриха Одноглазого и Юдифи из рода Вельфов, коронованный в Риме короной императора, спустя несколько лет вновь предпринял поход в Северную Италию, чтобы реально закрепить власть над нашими торговыми городами. Он пришел с большим войском, и городам ничего не оставалось, как принять ультиматум, который лишал их, по существу, всякой самостоятельности. В каждый город отныне назначался наместник императора – подеста. Общественные дороги, судоходные реки с притоками, порты и гавани должны были перейти под контроль этих имперских чиновников, а чеканка монеты становилась отныне исключительной прерогативой императорской власти. Кроме того, города Ломбардии лишались судебной власти, высшая судебная власть переходила также к императору. И, наконец, они были обложены постоянными налогами в пользу императора. Утрата экономической самостоятельности означала смерть.

Фридрих Барбаросса, сколько бы ни идеализировали его в немецкой историографии, был солдафоном и неумным политиком. Фактически он поставил наших горожан перед выбором: умереть безропотно или сражаться до последнего. И они выбрали битву. А он, ничего не поняв, страшно довольный собой, ушел из Италии.

Едва он ушел, в Милане вспыхнуло восстание против подеста. При этом миланцы погорячились – мы, итальянцы, народ темпераментный – и наместника просто выкинули из окна. После этого жителям Милана уже совсем ничего не оставалось, как сражаться. Они обратились к городам с предложением объединиться и дать бой императору, чтобы тот отменил все свои условия. Но... ни один город не поддержал Милан! Два фактора сыграли роль в принятии этого трагического решения: первый – страх, и второй – все города были экономическими конкурентами. «Не будет Милана, и хорошо», – подумали другие. Но Барбаросса показал им, что такое «хорошо». Он вернулся в 1160 году и осадил Милан с большим войском, потому что

взять штурмом город-крепость было невозможно. Миланцы держались героически. Поначалу у них были запасы пищи и воды. Но осада длилась два года. Тайными тропами миланцы связывались с соседними городами и умоляли прийти на помощь, но никто на помощь не шел. Через два года Милан сдался. Расправа была высшим проявлением тупости мышления Барбароссы. Он не принял просто капитуляцию. Он учинил чудовищную резню. Все уцелевшие горожане прошли под ярмом по римскому обычаю как покоренные, то есть были обращены в крепостных. А город Милан Барбаросса приказал снести. И город разобрали, включая церкви Божьи, пунктуально и терпеливо, по камешку. Милана не стало; а на том месте, где была центральная площадь, Барбаросса приказал провести борозду плугом и засыпать ее солью. Так поступили римляне, как известно, после победы над Карфагеном. Ясно, кем он себя ощущал, – римским императором.

Но именно это и разбудило остальные города. Поняв, какова будет их судьба, они очнулись и создали Ломбардскую лигу. Шестнадцать городов вступили в нее. Они создали единую казну, пешее войско и стали готовиться к тому, что Барбаросса нагрянет вновь. Он действительно вернулся снова, правда, не скоро, все-таки внутренние дела требовали его внимания. Фридрих появился в 1176 году во главе цвета немецкого рыцарства – войска из четырех тысяч тяжелых всадников, с головы до ног закованных в железо, – чтобы разгромить всех окончательно, но сильно ошибся. В знаменитом сражении у нашего города, в 30 километрах от спешно отстраиваемого Милана, рыцарское войско Барбароссы встретилось с 16-тысячным ополчением горожан, которые сражались в пешем строю, но зато противопоставили конникам, этим танкам средневековья, организованность, дисциплину и маневр.

Немецкие рыцари, по своему обычаю, бросились в мощную атаку, прорвали строй немногочисленной ломбардской конницы, и та в беспорядке бежала. Но когда немцы обрушились на построившуюся мощной фалангой пехоту, атака их захлебнулась. Тем временем ломбардские конники, встретив войско из Брешиа, спешившее им на помощь, вернулись на поле боя и внезапно атаковали немцев с фланга. Фридрих с жаром и отвагой бросился в самую свалку, но был выбит из седла. Тотчас слух о его мнимой смерти разнесся по войскам. Побросав оружие, рыцари бежали с поля боя и укрылись в Павии. Сам Барбаросса, сброшенный с коня, сумел добраться до ближайшего перелеска и спастся, но потерял при этом знамя и щит...

Родион Иванович Сухарев с интересом слушал эмоционального экскурсовода местного «краеведческого музея» и рассматривал смешные экспонаты: какие-то бусы, черепки и ржавые железки. Долгое время он был лишен возможности путешествовать и теперь словно наверстывал упущенное. В начале 2003 года, как только в Интернете появилась страничка Промышленной ассоциации города Леньяно, едва ли не первыми на предложение итальянцев, приглашающих к сотрудничеству российские предприятия и организации в различных сферах, отреагировал московский концерн «Оптим-Строй». И член совета директоров компании тут же выписал себе командировку на север Италии.

Ну не отдыхать он направлялся, если честно, а перспективные контакты устанавливать. Деловой и хваткий Сухарев сумел понравиться итальянцам. Они тут же внесли русскую фирму в свою базу данных и даже предложили несколько миланских компаний в качестве возможных партнеров.

Побывал Сухарев и в Милане. Подписал протокол о намерениях создать совместное производство с одним из производителей строительных блоков для дешевого жилья по новой технологии. Договорился о прямых поставках керамической плитки в российскую столицу. Подал предварительную заявку на участие московского концерна в конкурсе на строительство «Города моды» в самом Милане. На территории, заброшенной уже много лет, планировался специальный квартал для пешеходов, площадь необычных очертаний, постройки, возведенные из стекла и стали. Будет разбит парк и несколько скверов. Именно в этом «городке» будут

проходить международные показы моды. Почему бы не доверить построить его русским? Если они умеют что-то делать, то делают на совесть.

Так что поездка одного из директоров «Оптимы-Строй» получилась насыщенной, деловой, весьма полезной и, безусловно, перспективной...

Но дела – делами, а организаторы не поскупились и на развлечения. Принимающая сторона, помимо деловых переговоров, организовала «русскому бизнесмену» туристическую поездку по Ломбардии и северу Адриатического побережья. В Венецию и на курорт с названием, повторяющим едва ли не буква в букву имя пригласившего города. Линьяно – почти «тезка» Леньяно.

В Венеции Сухарев был впервые. Много слышал о ней раньше, но разве могут даже самые красочные рассказы стоить хотя бы одного взгляда на дома, встающие из морской пучины, одного вдоха этого специфического – влажного и слегка затхлого – воздуха Средневековья. Родион Иванович, отнюдь не склонный к сентиментальности, этим городом вдруг просто «заболел». Он, забыв о времени, катался на гондолах, пил кофе в небольших кафе, тратил немалые деньги на сувениры, восхищался каменным кружевом Дворца дождей. Громко хихикал у камня для объявлений перед собором Сан-Марко. На камне за многие столетия появились самые парадоксальные в мировой юриспруденции законы. Больше всего глянулся бизнесмену закон 1460 года, который повелевал венецианским гражданкам быть добрыми, ласковыми и побольше есть, чтобы приобрести пышные формы, распалюющие мужское сладострастие, дабы прекратить распространение гомосексуализма. «Вот, – думал Сухарев, – это правильно. По-нашему...»

А еще три дня спустя пресыщенного впечатлениями гостя итальянцы увезли отдохнуть «в глушь, в деревню» – туда, где не надо сломя голову носиться по музеям, выставкам и прочим достопримечательностям. Туда, где можно расплавиться под ярким солнцем, растечься, принимая форму шезлонга, и забыть обо всем на свете. И мечтать лишь о том, чтобы доползти по раскаленному песку до набегающих волн теплого средиземноморского рассола. Хотя даже погружение в его пучину не приносит желанного облегчения. Зато позволяет дотащиться до прохладного пресного душа, где так славно ловить освежающие капли сведенными от соли губами, плескаться в тугих струях до мурашек по коже и снова ощущать себя человеком.

А поздним вечером брести по длинной пустынной набережной, сверкающей подсвеченными витринами в густой темноте южной ночи. Заглядывать в единственную открытую в это время таверну. Щелкать мидий, как семечки, и запивать их кислым белым вином, ловя удивленные взгляды чернявого остроносого хозяина, прячущего в ладони зевок...

Как разительно это беззаботное существование отличалось от бурлящего котла никогда не спящей Москвы или напряженности ночного Сочи. Удивленный Сухарев по утрам просил своего гида ознакомить его с разделом происшествий в местной газетенке. Но за три дня в городке, кишасщем туристами, не было упомянуто ни об одном грабеже или краже, не говоря уж о драках или убийствах. В ответ на расспросы организаторы лишь пожимали плечами: у нас, мол, здесь всегда так. Порядок. Полиция следит. Как она следит, если Сухарев вообще не видел ни одного полицейского?

В последний вечер российский строитель разговорился с хозяином ночного кафе, который встречал его уже как старого знакомого. Выяснилось, что трактирщик знает достаточное количество русских слов, чтобы понимать, о чем спрашивает Сухарев и даже ответить с помощью бурной жестикуляции, характерной для южан.

– Мафия! Но полицай!.. – Он тряс тремя растопыренными пальцами перед носом Родиона. – Трез! Уно, дуо, трез...

Хозяин отсчитал три мидии и отодвинул по столу в сторону. Потом придвинул две обратно, пояснив по-русски: «Моя». И ткнул пальцем в оставшуюся: «Мафия!»

Потихоньку до отдыхающего бизнесмена дошло, что полиции на Адриатике действительно незачем беспокоиться о порядке. О нем подумают те, кого в России обычно считают как раз правонарушителями. Российские «мафиозо», собственно, такое представление о себе вполне оправдывают. А вот местный преступный мир давным-давно сообразил, что незачем лазать в чужие квартиры и кошельки, рискуя быть застигнутыми на месте преступления или получить отпор.

Да и вообще, ну ограбишь туриста – возьмешь один раз с него. А больше он не приедет никогда, да и друзьям-приятелям скажет: не суйтесь туда – грабят. Кому от этого лучше? Нет, отдыхающие должны с радостью платить за сервис в гостиницах, магазинах, на рынках и пляжах, должны и на следующий год вернуться. И всю родню прихватить, потому что отдыхать здесь приятно, уютно и спокойно. А вот бизнесмены должны отчислять тридцать процентов прибылей мафии. За что? За комфорт, порядок и безопасность!..

«А что? – прикинул Родион Иванович. – По-деловому».

И всю обратную дорогу крепко думал над этим...

3

– Что с тобой случилось, Турецкий? – Ирина Генриховна лукаво посмотрела на мужа. – С каких это пор ты запомнил день моих именин?

– А я и не запоминал. – Александр Борисович обезоруживающе улыбнулся. – Ты же знаешь, я такие вещи помню жутко плохо. Просто звонил Слава и просил передать тебе поздравления. Вот я и решил устроить небольшой праздник.

Супруга известного следователя расхохоталась:

– Люблю я тебя за честность и непосредственность.

Она приподняла бокал и, прищурившись, посмотрела на мужа сквозь шампанское.

– За праздник тебе спасибо огромное. А то я уже и забывать начала, что это такое. Грязнову твоему любимому сообщи при случае, что восемнадцатого сентября именины празднует Ираида. А у меня прошлые в конце мая были, а следующие в октябре только. Но это не важно, – добавила она, видя, что муж уже открыл рот, чтобы оправдаться.

– Не важно, – тут же согласился Турецкий. – Все равно у нас сегодня будет праздник. Мы еще и танцевать пойдем, пока нам горячее не принесли.

На эстраду в углу маленького уютного зала на шесть столиков стали подниматься музыканты. Ирина Генриховна счастливо улыбнулась, выражая готовность подняться со стула по первому же намеку на приглашение. Но раньше первых тактов танца из нагрудного кармана мужа полилась мелодия мобильного вызова.

– Да. Это я. Когда? Нет, я не слышал новостей. Я в кафе с Ириной сижу сейчас. И где? В Сочи? Опять в Сочи?..

– Какой еще Сочи, Турецкий? – Ирина Генриховна поджала губки. – Ты мне танец обещал!

– Сейчас, погоди секунду, это Костя... – Александр Борисович не отрывался от телефона. – И когда выезжать?..

Жена, поняв, что звонит Меркулов, а он без серьезного повода звонил крайне редко, погрустнела:

– Ну вот. Устроили праздник, называется...

Турецкий и на это не отреагировал. Он внимательно и задумчиво слушал о сути нового дела, одновременно вспоминая другое. Казалось бы, совсем недавно он был в этом курортном городе, а ведь уже полгода минуло с того февраля, когда он расследовал преступления «Хостинского комплекса». Тогда преступниками был убит городской прокурор, а родствен-

ники мэра Воронина взяты в заложники. Непросто далась Турецкому та командировка. Он вообще мог из нее и не вернуться, если бы не Денис Грязнов да Галочка Романова...¹

Жена расстроилась окончательно:

– Ну почему Меркулов вечно не вовремя? Турецкий, ты мне праздник обещал! Хотя бы за то, что мои именины перепутал. И вообще, давай рассказывай, что там? Посвящай, так сказать, в курс дела, раз уж мы вдвоем. Или воздержись от работы в выходной день, в конце концов.

– Прости, Костя, но сейчас действительно не время для деловых бесед. Все равно ведь лететь только через два дня. Давай я тебе перезвоню завтра утром. А еще лучше – заеду. И тогда уж я – твой со всеми потрохами. Лады? – Турецкий прервал разговор и демонстративно отключил мобильник.

– Вот видишь, Ирка! У нас сегодня все равно будут твои именины. Так что не дуйся, как мышь на крупу. – Он встал и склонил голову. – Мадам, разрешите вас ангажировать на тур вальса?..

¹ Об этих событиях см. роман Ф. Незнанского «Отложенное убийство».

Глава 1

1

По конференц-залу Российского олимпийского комитета, где собралась на свое внеочередное заседание Олимпийская дума, перекатывался мерный гул. Делегаты вполголоса обсуждали между собой только что завершившийся доклад председателя РОК Владислава Калачева, в котором он оповестил присутствующих, что администрация Сочи выдвигает свой город в качестве кандидата на проведение зимних Олимпийских игр 2014 года и просит одобрить заявку.

– Сама борьба за проведение Игр имеет огромное значение для города-хозяина и для всей страны, даже если в итоге Олимпиада-2014 достанется кому-нибудь другому, – уверял Калачев. – При любом раскладе – это новые спортивные сооружения. Это инфраструктура. Это и повышение международного престижа, а значит, приток туристов. И для города хорошо, и всей стране полезно. Но надо приложить немало усилий, чтобы опередить конкурентов. А конкуренты у нас, как всегда, серьезные: южнокорейский Пхенчхан, австрийский Зальцбург, французский Аннеси, болгарская столица София, а также двое наших соседей по СНГ: грузинский Бакуриани и Алма-Ата. Напомню, что наш знаменитый курорт уже не раз претендовал на звание зимней олимпийской столицы, но пока безуспешно. Мимо Сочи прошли Олимпиада-2002 в Солт-Лейк-Сити и Олимпиада 2006 года, которая скоро состоится в Турине. По мнению городских властей, провалы обусловлены тем, что эта идея ранее не находила отклика у государства. Предлагаю утвердить заявку Сочи и всячески поддержать эту инициативу, чтобы сетовать на отсутствие внимания на федеральном уровне им больше не приходилось...

Слухи о том, что Сочи вновь просит Олимпиаду, ходили давно. Но мало кто верил, что именно этот город будет на Думе предлагать председатель комитета.

Пристально оглядев зал, где видные спортсмены и спортивные функционеры, взбудораженные известием, горячо обменивались мнениями, Калачев поднял руку и потряс колокольчиком. Дождавшись, когда шум немного стихнет, он предложил, дабы не принимать решения сгоряча, внести изменение в регламент, сделать получасовой перерыв и за это время взвесить все «за» и «против». А уже после собраться вновь для проведения голосования. Предложение было принято, и споры продолжились в кулуарах...

– А ведь Калачев уверял, что именно горы Южного Урала идеально подходят для создания спортивно-туристических комплексов, которые позволят предполагать проведение зимней Олимпиады именно на Южном Урале. А? Мы вкладываем огромные бабки в надежде на перспективу – и что? Он теперь предлагает Кавказ?..

Председатель комитета спорта Башкортостана Абдрахим Муртазаев, который выполнял «особое поручение президента» по строительству престижного горнолыжного климатического курорта в районе горы Малый Ямантау на территории Белорецкого района Башкирии, запальчиво рубанул воздух ребром ладони.

– Наивный, – рассмеялась в ответ Екатерина Горчева, член исполкома РОК, предпринимательница и владелица горнолыжного курорта «Лосиная Гора» из Екатеринбурга. – Босс и к нам приезжал. И губернатору много чего наобещал. Ну просто золотые горы. Работа у него такая – всем врать. Наобещать с три короба великолепных перспектив, чтобы подвигнуть местные власти самим, в расчете на грядущие доходы, зашевелиться, а там, глядишь, и во вкус войдут. Тут обольщаться не нужно, а надо, пока он витийствует да перья перед региональным руководством распушает, выбить из РОК то, что действительно можно выбить. У меня вот на

следующий год инвестиции отдельной строкой в бюджете прописаны. А кто и где Олимпиаду проводить будет – начхать, если честно...

Гудел уже весь четвертый этаж дома на Лужнецкой набережной, где по буфетам да туалетам, курительным комнатам и коридорам разбрелись делегаты Думы. Кто-то был раздосадован, кто-то смеялся. Одни громко возмущались вслух, а другие шептали что-то на ухо собеседникам. Некоторые едва ли не за лацканы оппонентов хватали, а иные просто под ручку мирно по коридорам прохаживались. Но все были удивлены. Даже те, кто такому повороту событий вроде и не должен был удивиться. Но, держа марку, они пытались объяснить происходящее другим. Хотя в первую очередь – себе.

– Видали, как Калачев задергался? Всячески Сочи вдруг стал поддерживать. Понял наконец, что даже ему следует теперь держать нос по ветру. А не то скоро с высокого-то кресла ненароком и слнуть может. Поперек мнения министра физического здоровья нации не очень нынче попрешь. А тот обеими руками за черноморский курорт. Калачев-то раньше все больше на восток спорт тянул: ездил и в Уфу, и в Красноярск, и в Екатеринбург. А министр – на поводу у президента. Тот же склонен рассматривать лишь Петербург свой родной да еще Кавказ отчего-то. Но северная столица в авантюры с олимпиадами ввязываться не спешит, поскольку горы от нее далековато, а в Хибины или на Валдай таскаться – дороговато выйдет. Искусственные трассы тоже недешевы. А губернаторша у них не дура. Поэтому прикидывает пока, считает, выгодно ли. Тут-то Красин с кандидатурой Сочи и подсуетился. Посеял ветер. Теперь пожинаем бурю. Поди, поплывай против эдакого урагана...

И вообще, сошлись во мнении делегаты, в спортивной жизни России в последнее время дела как-то идут все хуже и хуже. Ситуация давно напоминает басню Крылова про лебедя, рака и щуку. Есть общественная организация под названием Российский олимпийский комитет. А есть государственный руководящий орган: Министерство по физическому здоровью нации, сменившееся казавшийся вечным Госкомспорт и почти мгновенно почившее в бозе Федеральное агентство по физкультуре, спорту и туризму. А еще существуют многочисленные федерации по видам спорта, также независимые общественные объединения, которые формально входят в РОК, но фактически не подчиняются ему. Например, руководители Футбольного союза и Федерации хоккея настолько независимы в финансовом плане, что в упор не желают никого из «начальства» замечать.

Калачев же в силу многих причин упустил бразды правления собственным ведомством и фактически превратился в «свадебного генерала». Хотя и с этим амплуа справляется с трудом...

Сам Владислав Михайлович был невесел.

– Ты же знаешь, Федь, – говорил он своему первому заместителю, вице-президенту РОК Егорову, – я никогда и не стремился к тому, чтобы Олимпиада проходила в Сочи. Есть в России другие, более подходящие для этого мероприятия города, например Екатеринбург, Казань, Новосибирск, где сам бог велел проводить спортивные зимние соревнования. Да и Воронин, которого недавно из Сочи на повышение в федеральный аппарат забрали, вроде бы все это понимал. Знаю я, знаю, кто нынче надоумил главу Сочинской администрации Острожного выступить с этой идиотской инициативой. Это все Мишка Красин, спортивный министр. Ему просто не терпится влезть в мое кресло, врасти в него – и не слезать всю оставшуюся жизнь!

– Да это понятно, – кивнул Егоров. – Кресло-то золотое. Но согласись, что Сочи хорош. Нигде больше спортивные объекты не располагаются так компактно. Нигде больше спортсмены и зрители не получают возможности в течение тридцати минут перебраться с горнолыжного склона на морской берег, где будут размещены объекты для соревнований на льду: хоккеистам и фигуристам – Ледовый дворец, санно-бобслейная трасса и много чего...

– ...что еще только предстоит спроектировать и построить, – встрял в разговор Вадим Строганов, член исполкома РОК, заместитель министра экономического развития страны. – В

Сочи тоже не дураки в администрации. Они все давно вошли акционерами в «Поляну», которая будет одним из главных действующих лиц в строительстве олимпийских объектов. При этом часть средств они будут вкладывать собственных, но куда большую долю не без оснований намерены получить от государства. Заметьте, что речь идет о колоссальных деньгах. По оценкам городской администрации, только подготовительные мероприятия – строительство новых спортивных объектов – обойдется в полтораста зеленых «лимонов». Но мы-то знаем, что из бюджета будет высосано вдвое, а то и втрое. Но ведь есть еще гостиницы, рестораны, инфраструктура...

– Да, – согласился Калачев. – Я подсчитывал ориентировочно. На всю подготовку придется потратить около шести миллиардов долларов. Из федерального, регионального, городского бюджетов. Да и олигархи, по идее, должны здорово вложиться в этот проект, надеясь потом вернуть сторицей. Наивные. Вот на все эти денежки Мишка и метит. Львиная доля их пойдет уже в первые годы. Ведь в две тысячи седьмом году будет голосование МОК – и к тому времени у нас должны быть готовы аргументы, которые мы сможем предъявить. Значит, разворачивается очередная «всесоюзная стройка», которую курировать будет, скорее всего, сам президент. Но и наши с вами интересы вполне можно отыскать в недрах гигантского строительства. И поэтому крайне желательно не пустить Красина в единоличные заправилы. Надо как-то так сделать, чтобы выборы железно завершились в мою пользу.

– Ну это и ежику понятно, – кивали клеверты. – Организуем...

Олимпийская дума утвердила заявку единогласно и перешла к рассмотрению второго вопроса...

2

Он знал себе цену. И старался, чтобы цены окружавших его предметов всегда соответствовали и, уж по крайней мере, не были ниже стоимости себя, любимого. Поэтому облюбованную туристами средней руки «Жемчужину» он обошел стороной. И даже в четырехзвездный престижный отель «Рэдиссон САС Лазурная» вселяться не захотел. Что за удовольствие каждое утро сталкиваться нос к носу у лифта с президентом какой-нибудь дружественной страны?..

Аркаша остановился в единственном пятизвездочном отеле Сочи – «Черноморье», на базе которого работал отменный, известный всей российской элите санаторий. В прошлом году Кригер лечил тут расшалившиеся нервишки. А что? Ну, пошаливают в последнее время. Станешь нервным от такой профессии...

Но сейчас Аркадий Исаевич чувствовал себя абсолютно здоровым и бодрым, как никогда. И привела его в курортный город в самый бархатный сезон та самая ненавистная и любимая профессия: в конце августа Аркадий прилетел в Сочи, чтобы присутствовать на пресс-конференции российского президента и его гостя, премьера крупной европейской страны. Побывав по долгу службы на мероприятии, выслушав речи президента и гостя, сделав необходимые пометки и пообщавшись с коллегами-журналистами, Аркадий решил освободившийся день посвятить отдыху на пляже. Репортаж о «высокой» встрече он запросто напишет левой пяткой, нет смысла заморачиваться, тем более что вскорости ему предстоят дела и поважнее. До его выступления в программе Дмитрия Кондаурова «Минута откровения» на одном из ведущих российских телеканалов оставалось всего два дня. Аркадий Кригер выступит там с сенсационным заявлением, посвященным преступным махинациям вокруг подготовки к будущей Олимпиаде в Сочи. Немало откровений по этому «жареному» делу Аркадий добыл уже и здесь, буквально за последние часы. Откровений таких, что эфир ахнет. Да, ему есть что сказать почтеннейшей публике, чем ее удивить. Даже сам Кондауров будет удивлен, пожалуй.

Но передача, где он как всегда отлично выступит, будет только через два дня, а пока можно позагорать и поплавать в изумрудных морских волнах на зависть оставшимся в дождливой Москве коллегам.

День был тихим, голубым и сверкающим. Сначала Аркаша просто нежился на лежаке под лучами солнца – уже не такого жаркого, как в середине лета, но еще очень теплого и ласкового. Настроение у модного журналиста было светлым и беззаботным. Потом, немного проголодавшись, он заказал чебуреки в небольшом пляжном кафе, где вся пища готовилась на глазах у посетителей, которые от аппетитного зрелища начинали ронять слюну, – куда там до них собаке Павлова! Со свежим салатом – крупно нарезанными огромными «мясными» помидорами, щедрой зеленью, жгучим перцем, от которого во рту горело и появлялось зверское чувство голода. А с бутылочкой сухого красного вина обед вышел весьма сытным и вкусным. Жизнь, как говорится, сразу приобрела смысл. А точнее, подвигла Аркашу на поиски этого самого смысла.

Он перетащил лежак под один из торчавших посреди пляжа грибков, решив не особо усердствовать с солнечными ваннами, и начал оглядывать пляж, внимательно оценивая местных красавиц, раскинувшихся у моря. Однако достойных королей он не обнаружил – девицы делились на две основные категории: дебелые провинциалки в цветастых купальниках, полжизни копившие на эту путевку, и кукольные блондинки с ногами от ушей и пластмассовыми улыбками на лицах. Ни деловито потеющие девственницы, ни призывно поглядывающие барби не прельстили Кригера, но его внимание вдруг привлек юный, явный армянин, с бархатной кожей бронзового цвета. Юноша сошел с вышки спасателей и прошагал мимо грибка к морю, красуясь развитой мускулатурой.

Когда парень в сверкающих на солнце каплях шел обратно, Аркаша только головой покачал – нет, ошиблись греки: не Афродита родилась из пены морской, а Аполлон. Испытывая обычно не свойственное ему смущение, он все-таки перехватил юношу на полдороге:

– Молодой человек! Можно вас на минутку?

Античный бог склонился над лежаком.

– Я тебе слюшью, дарагой, – приятным баском отозвался Аполлон.

– Тут вот какое дело. Я здесь в командировке, а завтра мне уезжать уже. Хотел совета спросить у знающего человека. Где здесь можно в хорошем ресторане поужинать? Чтобы вкусно. Если знаете хорошее место и проводите, я готов вас угостить. От всего сердца.

– Вах, нэ могу. Нилза мнэ с атдыхаюшымы. Началнык уволыт.

– Так строго у вас?

– Вах, строга...

Тем не менее они познакомились.

Ашот оказался моложе, чем выглядел. Он только перешел в одиннадцатый класс и на каникулах подрабатывал спасателем. Его тут все знают и доверяют ему, потому что с шести лет мальчик серьезно занимался плаванием в спортивной школе. Ездил и на юношеский чемпионат России выступать, но не преуспел, хотя кандидатский норматив выполнил. Однако намерен усиленно тренироваться, стать мастером и пробиться в юниорскую сборную...

Он рассказывал о собственной недолгой жизни с забавным акцентом, и Аркаша отметил про себя, что раньше, когда русский язык был обязателен в школах, молодежь разговаривала значительно чище. Теперь о смысле некоторых фраз приходилось догадываться только по контексту. Басок юноши иногда трогательно срывался на дискант, чем Ашот заметно смущался. И нежный румянец покрывал щеки, тронутые первым пушком.

Детская непосредственность юного красавца только распаляла Аркашу. Весь день он так или иначе пытался быть рядом с Ашотом. То на вышку к нему поднимется, будто по делу, то снова под грибок пригласит, когда спасатель окунуться выходил. Однажды даже на полчаса отлучались вместе. Узнав, что журналист живет в номере люкс самой дорогой гостиницы Сочи,

парень напросился хоть краем глаза взглянуть на это чудо. Самому ему бывать в таких не приходилось, а было очень любопытно. Кригер, распушив перья, с удовольствием провел «экскурсию», как бы хвастаясь перед мальчишкой своим положением, пытаясь хоть этим произвести впечатление. Рассказывал о своей работе в столице. Намекал, что пользуется определенным влиянием...

Когда же солнце склонилось к самой кромке воды, а на пляже никого, кроме нескольких парочек, намеревающихся встретить закат, не осталось, Кригер снова взобрался по лесенке в дощатую будочку. Ашот уже был одет и собирал подсохшие на ветру полотенца в спортивную сумку.

– Ашот, послушай. Раз уж ты не хочешь, чтобы тебя видели в ресторанах, может, мы просто посидим вечером здесь, на пляже? Ты мне понравился, ты был мне другом весь этот бесконечный день, и я перед отъездом хочу поблагодарить тебя за приятные минуты. Вина хорошего выпьем, поговорим...

– Эта можна, – задумчиво покивал Ашот. – Толка не слышам поздна, да? Мэна радытел будыт ждат.

– Не переживай, допоздна не задержимся. Ну, договорились? Давай прямо тут же через часок. Ты вещи относи и приходи. Я буду ждать тебя...

Следователь Сочинской городской прокуратуры Борис Дерковский безучастно смотрел на лежащее у его ног тело мужчины, зверски исколотого ножом. Смотрел и тихонечко насвистывал прилипчивую песенку из показанного в сто первый раз вчера вечером по ящику «Ивана Васильевича»: «Ма-ру-ся молчит и слезы льет...»

Над трупом склонился эксперт. Рядом стояли и курили опера дежурной группы Сочинского ГУВД, сдернутые с постелей ни свет ни заря. Вызов поступил от уборщика пляжа. Он, засмотревшись на восход, едва не наступил на тело, лежавшее почти у кромки прибоя...

– Ну что, Виктор Савельевич?

Пожилой криминалист поднял голову:

– Смерть наступила примерно пять – семь часов назад. Около полуночи, вероятно. Причина – множественные колото-резаные раны, нанесенные острым предметом. Ножом или кинжалом. Скорее всего, смерть наступила от обширной потери крови, поскольку один из ударов пришелся на сгиб локтя и перерезал несколько важных вен и артерий. Остальные раны также тяжелы, но вроде бы жизненно важные органы не затрагивали. И каждая поодиночке вряд ли вызвала бы смерть. Но в совокупности... Что-то более предметное можно будет только после вскрытия сказать.

Борис покивал:

– Да. Вызывайте бригаду, пусть труп забирают. Результаты вскрытия сразу же мне на стол. Потом обернулся к оперативникам:

– Вы что скажете?

– А что говорить? – капитан сочинской милиции Владимир Назаренко пожал плечами. – На месте происшествия орудия преступления нет. Следы либо водой смыты, либо песком занесены. Две пустые бутылки из-под «Черных глаз» Виктор Савельевич, значит, уже упаковал. Хотя надежды на то, что будут известные нам «пальчики», у меня лично нет никакой. Надежда имеется на случайных очевидцев. Они, сам знаешь, всегда есть. Но их нужно еще найти. А значит, надо искать. Вот докурим – и за работу.

И он эффектным щелчком отшвырнул в море скуренную до самого фильтра сигарету.

На самом деле капитан рисовался и лукавил. Уже несколько лет почти все преступления на этом престижном пляже раскрывались, что называется, по горячим следам. Потому что среди нескольких местных «клошаров», живущих летом на пляже и ночующих в конурках, выстроенных из пустых картонных коробок, у оперативника был свой осведомитель. А бомжи

на своей территории, как правило, знали и видели все. А чего не видели, то слышали от собратьев, которые уж видели непременно.

Вот и на этот раз уже к десяти утра имя предполагаемого преступника было названо. Вечером – около одиннадцати часов приблизительно – вместе с погибшим, журналистом из Москвы, отдыхающим тут уже несколько дней, заметили молодого спасателя Ашота Саркисяна. Мужчины пили вино и громко веселились незадолго до предполагаемого момента наступления смерти Аркадия Исаевича.

Изъяв фото Саркисяна из личного дела Сочинской спасательной станции, капитан предъявил его персоналу отеля «Черноморье». И получил показания, что служащие накануне видели этого юношу с постояльцем. Все складывалось как нельзя лучше.

Недолго думая, Назаренко забрал молодого красавца прямо из постели.

Ашот отпирался недолго.

– Значит, говоришь, в ресторан ты не пошел?

– Нэт. Нам запрэшэно.

– А вечером, значит, на пляж пошел?

– Пашел.

– Зачем?

– Карошы чилавэк звал. Вмэсте вино пыл.

– А потом ты, значит, хорошего человека ножичком?

– Вах!..

В общем, раскаявшийся в содеянном Ашот показал капитану Назаренко следующее. Да, они познакомились с московским журналистом на пляже. Приезжий был приветлив и щедр. Приглашал в ресторан. Но Ашоту нельзя было. Он согласился только на вечернюю встречу на пляже. Приезжий решил его вином угостить. Говорил, что уезжает уже и напоследок хочет отблагодарить Ашота за то, что он был его добрым другом и собеседником весь последний день. Посидели, выпили. Но москвич начал вдруг сексуально домогаться, приставать и даже попробовал применить силу. Ашот был вынужден обороняться от слишком настойчивых «домогательств». Между мужчинами возникла драка. В драке он, Ашот Саркисян, и нанес Кригеру несколько ударов ножом и убежал поскорее домой. Даже не думал, что мужчина умрет. Просто отмахивался от него, честь свою защищал...

Капитану Назаренко сомневаться в признании Саркисяна не было никакого резона, и он тут же задержал подозреваемого.

Борис Дерковский, человек по натуре своей во многом сомневающийся, не очень-то поверил, что убийство совершил в одиночку этот юноша. Пусть и спортсмен. Пусть и вспыльчивый, горячий, как все южане. Но ведь убитый тоже, как удалось выяснить, был калачом тертым. Известный журналист, неоднократно выходивший из опасных для жизни передраг. Жилистый и крепкий мужик. Если он действительно насильно добивался гомосексуального контакта, то должен был быть готов и к отпору...

Нет, тут явно должны были действовать несколько человек, решил поначалу следователь. Попытался «копать» в этом направлении. Однако факты упрямо свидетельствовали об обратном. Никто не видел посторонних, не было никаких следов, говорящих о соучастниках. Обнаружилось орудие убийства: в мусорном баке во дворе дома, где жил Ашот, сотрудники отыскали окровавленный нож. На рукояти его были отпечатки пальцев, принадлежащие подозреваемому. Поэтому Дерковскому ничего другого не оставалось, как принять на веру показания и признание Саркисяна. Расследование было завершено и передано в суд для принятия решения о наказании виновного.

3

В начале мая прошлого года, когда в Сочи – к началу туристического сезона, – как грибы на асфальте, выросли многочисленные летние кафе, готовясь принять тысячи москвичей, петербуржцев, северян и сибиряков, на улице Войкова один из элитных ресторанов города на день закрылся – на «проведение мероприятия».

Настоящий замок прятался от городской суеты, утопая в свежей роскошной зелени. Натуральный камень и кованое железо, теплое дерево и шелкотканые скатерти Рыцарского зала воплощали солидность и благородство. Плеск воды в каскаде озер-миниатюр, забытые древним великаном гигантские кувшины – все создавало атмосферу рыцарского двора.

«Рыцарей» за большим столом, составленным из сдвинутых ресторанных столиков, собралось человек пятнадцать. Они сидели в современных деловых костюмах и лениво ковырялись в разносолах. Трудно было решить, что поглощать сначала, а что потом: то ли лягушьи лапки в сухариках предпочесть, то ли тигровые креветки по-венски.

Пока приглашенные мужчины, потягивая виски, вполголоса обменивались впечатлениями о фирменном блюде шеф-повара – запеченной ляжке дикого кабана, инициатор встречи, московский гость и ревизор, вор в законе по кличке Сухарь, знакомился со статьей в «Вечернем Сочи».

«Сильный взрыв у входа на центральный рынок произошел сегодня в 11.30 утра. Безоблачное взрывное устройство мощностью до 400 граммов в тротиловом эквиваленте было заложено в урну одного из киосков. От взрыва на месте погибли три человека, а в больницах города к восемнадцати часам скончались еще семь человек, в том числе двое детей. Всего пострадало свыше пятидесяти человек.

Спустя шесть минут на рынке раздался второй взрыв. Как сообщает пресс-служба УВД, взрывное устройство было заложено между двумя продовольственными палатками – на крыше в сливном стоке. Погибли продавщицы этих палаток. Еще один пострадавший, турок, приехавший в Россию на заработки, скончался к этому времени в больнице от полученных ран.

Сейчас в Центральной клинической городской больнице остаются двое пострадавших в результате второго взрыва с тяжелыми проникающими ранениями, им были сделаны операции. Еще два человека, получившие незначительные травмы, были выпущены из клиники после того, как им была оказана медицинская помощь.

На месте происшествия весь день работало руководство города, спасатели, сотрудники правоохранительных органов. Городская прокуратура Сочи по факту взрыва возбудила уголовное дело.

Следствие склоняется к коммерческой или бытовой версии взрывов на рынке. Об этом корреспонденту «Вечернего Сочи» сообщил компетентный источник в правоохранительных органах.

По подозрению в причастности к взрывам задержаны пять человек. Об этом в Москве сообщил журналистам заместитель министра внутренних дел РФ Вадим Журавлев. По его словам, в настоящее время задержанные проверяются «на причастность к совершенному преступлению».

Он также добавил, что происшедшее «нельзя отнести к террору в том плане, как мы его понимаем». По одной из предварительных версий, причиной трагедии могла послужить конфликтная ситуация, возникшая на городском рынке неделю назад, в минувшее воскресенье, между представителями одной из кавказских диаспор и турками. Не исключается и схватка городских криминальных структур за передел собственности»...

– Значит, «не исключается», ну-ну... – хохотнул, откладывая газету, Сухарь. Но при этом его яркие зеленые глаза остались холодны и трезвы, несмотря на основательное количество

выпитого. – Зато основная версия на междоусобицы хачиков дело валит. Это хорошо. Ай да Крендель! Молодец, Савелий Павлович!

– Я-то, собственно, ни при чем, – постарался отстраниться Бубликов, исполнявший обязанности смотрящего на Черноморском побережье. – Мы просто нашли толкового специалиста и щедро проплатили...

– Вот я и говорю – молодец, – уголками тонких и плотно сжатых губ улыбнулся московский «бизнесмен». – Не скромничайте. Найти нужного человека, правильного человека – самое главное в нашем деле. Прикрытие обеспечивал кто?

– Мясник со своими.

– Отлично. А батону Зурабу вы все как надо объяснили? – обратился гость уже к рецидивисту Михаилу Яснову, которого свои люди звали Мясновым или Мясником.

– Все объяснили, Сухарь, не волнуйся. В лучшем виде, – откликнулся Мясник. – По три раза все повторяли, чтобы дошло.

– Вижу, старались. А лоб не расшибли? – хмыкнул Родион Иванович. – Мера во всем – вот наилучшее, как заметил когда-то Клеобул из Линда...

– Кого обул? – не понял бывший боксер, бригадир группировки, на которую Сухарь сделал ставку в Сочи. И на всякий случай потер лоб.

– Кле-обул. Когда-то эту фразу знала вся Эллада. Двадцать пять слов семи мудрецов, в которых заключена мудрость греков, были высечены на каменных геммах храма Аполлона в древних Дельфах. Впрочем, вам это не интересно. Но вы все равно молодцы.

Сухарев чуть привстал из глубокого кресла, потянувшись за наполненной стопкой.

– Хочу я выпить за тех, кто четко исполняет приказы, а не берется рассуждать о том, в чем не смыслит. За вас, братва! – Он приподнял руку в направлении сидевшей за отдельным столиком у дверей охраны и опрокинул рюмку, аппетитно крикнув.

Братва, стоящая на стреме, польщенно заулыбалась и облизнулась. На этой аудиенции банкет для нижних чинов предусмотрен не был...

– А с авторынком теперь что?

– Ништяк! – весело откликнулся Законник, доверенное лицо Зубра – главы хостинских, отвечавший за эту акцию. – Правда, одного нашего помяли слегка. Акробату опять досталось, но ему не впервой. Шкура луженая. А так – все путем. Контору ихнюю – вдрызг...

– И все?

– Почему это все? – Голос Законника зазвучал обиженно. Вообще-то он всегда работал в одиночку и специализировался по заказным убийствам. А эту «ужасающую акцию» воспринял как веселое развлечение. Однако организовал он «мероприятие», как и все, что делал, весьма и весьма основательно. – Как приказывали: сначала машины побили, Вован оседлал железного ффраера и давил иномарки вовсю. Ну, толпу попугали, в воздух из всех стволов пошмаляли. Но о деле помнили: во время фейерверка кричали, что, мол, налоги у нас никто не отменял. Потом разнесли вдребезги местную малину и на двери маляву прикнутили: так будет с каждым жлобом, кто платить отказывается. Ушли чисто. Луноходы минут через пятнадцать только прикатили.

– Замечательно. Что-то теперь с рынком надо делать, Савелий Павлович?

– Собственно, работы по восстановлению административного здания уже ведутся. А в мэрии я дал понять, что деньги сам готов выделить на наведение порядка. Если, конечно, моему человеку заправлять этим делом доверят. Доверили, – Крендель усмехнулся краешками губ. – Как не доверить, они же за бабло удавятся! Так что на рынке уже Поляк заправляет.

– Страшный ты человек, Крендель, – добродушно бросил пахан. – Я и подумать не успел, а ты уже сделал.

– Шутишь, Сухарь? – пожал плечами Бубликов.

– Шучу, – согласился Родион.

– А еврея ми цѣлым аставыл, – нарушил молчание Симон, сидевший подле Мясника.
– Прямо-таки целым? – не поверил Сухарь, откушавший за авторынок еще стопочку.
– Ага. Толко скрипочку сдѣлал из нѣго. Тѣпэр можна вафла ему пад губу...
– Действительно, считай, целым. Только без целки. Платить-то теперь будет справно?
– Ужэ платыт. Долг атдал вѣс. – Симон держался победителем. Он явно гордился успешным выполнением поручения. Его черные, как букашки, глаза ярко блестели радостью, чуть ли не освещая длинный, крючковатый нос.

Сухарь смотрел на него и улыбался. «Этак ведь и надраться недолго», – подумалось ему. Но он упрямо взял следующую стопку. А что? Сегодня отличный день!

К окончанию всех рапортов Сухарь был уже в кондиции. И ответного слова решил было не брать. Но все-таки удержаться не смог.

– Братки... пацаны... все хорошо...

Он покачнулся слегка в кресле. Однако поднялся и длиннющую речугу, запинаясь, все-таки закатил:

– Вы просто молодцы, парни. Я не ожидал, что выйдет все так гладко. Думал, возникнут трения, внутреннее сопротивление, надо будет убирать... эээ... нейтрализовать недовольных. А мокрухи в бизнесе избегать надо, братва. Так диктует нынешнее время. Да вы и сами скоро в этом убедитесь. И поймете, что так жить много лучше: бабок больше, а проблем с ментами меньше. Кстати, и менты тутошние издаелека виделись мне серьезнее, принципиальнее, что ли. Думал, труднее с ними договориться. Ладно, не важно это все. Главное, что теперь здесь все будет по-другому. Учтите, что теперь простой турист должен спокойно ходить по самым глухим закуткам и днем и ночью. Узнаю, что кого-то убили, ограбили, да просто кинули, как лоха, – заказывайте клифт березовый. Приезжие человеки теперь – наши курочки, несущие золотые яйца. Чем спокойнее будет на курортах, тем больше придет гостей. Ваша задача – не прохожих обирать, а смотреть, чтобы каждый торгаш – будь он магнат или мелкий лавочник – исправно нес нам ровно тридцать процентов своих «надоев». И лаской надо действовать. Ясно? Как в старом анекдоте про корову, где один справный хозяин другого спрашивает: «Ну вот объясни ты мне, как тебе удастся с твоей коровы по сто литров молока в день надаивать?» А второй отвечает: «Ну, я лаской действую. Тут только лаской, иначе никак». Первый не врубился, а второй пояснил на пальцах: «Ну, я прихожу утром, глажу ее, в морду целую, говорю: „Ах ты, Буренушка, ах, голубушка, ах, кормилица моя! Ах ты, моя коровушка! Ну, что у нас сегодня – молоко или говядинка?“ Так и у нас: тихо и мирно. Все – лаской. А если по-хорошему кто не понимает, вот тут – никакой пощады. Задача ясна?..

Местные паханы молча покивали. Разговор был окончен.

Сухарь вышел на улицу и свернул влево, в переулок Горького, пошел пешком, игнорируя поджидавший его черный джип и толпу охранников. У члена совета директоров московского концерна «Оптима-Строй» кружилась голова. Не столько от выпитого спиртного даже, сколько от открывающихся перспектив. Ах, какие открывались перспективы!.. Это следовало обдумать. И ему теперь хотелось просто побыть одному...

В первой из построенных башен на Краснопресненской набережной разместилось управление концерна «Оптима-Строй», который, собственно, и занимался возведением целого комплекса этих небоскребов. На девятнадцатом этаже у хозяина концерна, молодого задиристого олигарха Сергея Владимировича Полякова, размещались личные апартаменты, служившие заодно и кабинетом для частных переговоров.

Сегодня на деловую беседу он пригласил директора по развитию, с которым у него были самые доверительные отношения. Выпив по глотку драгоценного – на вес золота – коньяку, партнеры удобно устроились в креслах и начали интеллигентный разговор.

– Ну, чем порадуешь, Сухарь?

Родион Иванович недовольно поморщился и ничего не ответил. Принципиально.

– Ладно, не обижайся, – рассмеялся Поляков, поглаживая бородку. – Это я пошутил так по-дурацки. Ты ведь и сам понимаешь, что каким бы крутым бизнесменом ни стал, клеймо прошлого всегда будет гореть у тебя во лбу. Утешайся тем, что уже дети твои, наследники состояния, будут числиться светскими господами, а уж внуки – те пойдут по разряду потомственной аристократии.

Сухарев и тут промолчал, прекрасно понимая эту, не слишком приятную, но обнадеживающую истину.

Поляков на правах хозяина плеснул в пузатые бокалы еще по капле бесценного нектара.

– Вот за это и выпьем, Родион Иванович. За то, чтобы ничего больше не менялось. Никто бы нам не мешал. И мы могли делать то дело, которое делаем.

Сухарев поднял свою рюмку.

– За это – не грех. Эх, если бы так просто решались все проблемы, я бы давно под забором в дупель пьяный лежал. Но мешают ведь, пей не пей.

– Ну вот об этом мы и поговорим, пожалуй, – Сергей Владимирович пригубил коньяк и отставил бокал. – Ты напомни мне, пожалуйста, что у нас там введено уже, а что в недострое?

Родион нахмурился окончательно. «В начальника играешь? Отчета требуешь? Ну-ну...»

– Собственно, пока все так же, как и месяц назад, Сережа. За прошлый год, с той поры, как взяли мы дело в свои руки, ввели в строй восемь отелей в санаториях на Черноморском побережье Краснодарского края. Через полтора месяца в Геленджике открываем еще один. В работе – три крупных объекта, которые планируется закончить к осени. На полную мощность в этом сезоне мы их не запустим, но первых отдыхающих в бархатном сезоне примем. Строится вся инфраструктура, подъездные пути, ремонтируются существующие дороги. Вся прибыль от объектов, которые построим сами, – наша. Обустраиваются также пляжи, мотели, кемпинги. Переоборудуются кафе и рестораны. Мы перекупаем объекты у прежних владельцев, ремонтируем и ставим своих управляющих. Их находим среди элитного управленческого звена. Никакого криминала: комар носа не подточит. А они нам платят нашу треть без всяких уговоров. Знают, если что... Сам понимаешь. Таким образом, только за полтора месяца нынешнего лета мы окупили около пятнадцати процентов вложенных средств. Если бы все шло, как идет, за три летних сезона я бы вернул весь «общак», а дальше мы с тобой делили бы не пятнадцатипроцентную прибыль, а две трети всех получаемых денег, но...

– Что «но»?

– Именно «но»! Сколько усилий было потрачено на наведение порядка в Большом Сочи! Турист валом повалил, потому что на побережье отдыхать стало спокойно. Почти в полтора раза увеличился приток отдыхающих в этом сезоне. Прибыли в геометрической прогрессии стали расти. Но с начала лета управление процессом уплывает из наших рук. Лучшие пятна отдаются под застройку конкурентам. Госзаказ на олимпийские объекты уплыл мимо. Твоя недоработка, Сережа!

Поляков покивал, соглашаясь. Но Сухарева это не удовлетворило.

– Ты не кивай! Это не просто недоработка, это может нам стоить всего бизнеса! Ведь часть освободившихся средств мы уже на нулевой цикл автострды Сочи – «Красная Поляна» потратили. А будет ли отдача? А на введенные уже объекты кто тебе средства дал? Не забыл? Их ведь возвращать надо. Твое-то дело было нехитрое: побыстрее новые площади осваивать да перспективные столбить. И никого к кормушке не подпускать. А что мы имеем?

– Да. Прокон, что и говорить. Но я ничего не мог сделать, поверь, Родик. Очень высокие покровители у Майстренко. Конечно, те объекты, что мы построили, у нас никто не отберет, не волнуйся. Но то, что «Диалогу» дали зеленый свет, меня самого очень беспокоит. Ведь это не только инвестиции, идущие мимо нас. Это и недополученные прибыли от тех туристов, которых они на себя оттянут. Да и доли с их объектов добиться будет теперь непросто.

– Не гони волну, Сережа. – Сухарев выпятил нижнюю губу. – Я за «общак» матку выверну любому Майстренке вместе с покровителем. В случае чего повторим «показательные выступления». А то по привычке народ спокойно жить. Зубр – тот за свою самостоятельность сполна уже получил.² А остальные поумнее оказались: не стали высовываться. И всем ведь хорошо было. А теперь? Начинать сначала? Не хочется снова за стволы браться, ой как не хочется. Но придется, если вынудят...

– То-то и оно, Родион, что не хочется. Но укрепления «Диалога» на нашем побережье нельзя допустить никоим образом. И тут уж любые средства хороши. Но ты прав, конечно, я тоже некоторые возможности воздействовать на события упустил. Будем исправляться. И попробуем еще разок решить вопрос цивилизованно...

² Об этих событиях см. роман Ф. Незнанского «Отложенное убийство».

Глава 2

1

Конфликт между двумя руководителями российского спорта длился не первый год.

Еще в 2002 году спортивная пресса запестрела сообщениями о том, что председателя РОК своим указом снимает сам президент, а из-за океана на его место «выписывается» молодой перспективный Красин, работающий в США по контракту. После того как он возглавит Олимпийский комитет, к нему перейдет и часть функций спортивного комитета – организационных и финансовых. Как бы объединение произойдет. И возглавит новую структуру выписанный варяг. А Калачева, мол, в отставку.

Сам Калачев, находившийся в то время в одной из инспекционных поездок, так отреагировал на сведения о своем «увольнении»:

«Не президент меня назначал, не ему и снимать. Что же касается Красина, то нас с ним связывают давние дружеские отношения – и спортивные, и профессиональные. Не скрою, он привлекается к сотрудничеству с РОК, но на уровне консультаций, с тем чтобы он, возможно, способствовал укреплению хоккея, футбола и прочих игровых видов спорта. Как и когда это будет закреплено в его трудовой книжке, пока неизвестно...»

Красин, вернувшийся из Соединенных Штатов по приглашению президента, прочитал шокирующую статью о своем «назначении» прямо в аэропорту Шереметьево-2. А на выходе его уже подстерегали вездесущие журналисты, желающие получить комментарий из первых уст.

«Кто-то очень хочет вбить клин между мной и Владиславом Михайловичем. Испортить наши продуктивные деловые контакты и просто человеческую дружбу», – тут же, не мудрствуя лукаво, заявил Красин репортерам.

В общем, обменялись любезностями, понимая патовость ситуации.

Действительно, Российский олимпийский комитет, в полном соответствии с принципами международного олимпийского движения, являлся организацией самостоятельной и фактически независимой от властных структур государства. Причем в исполком РОК, избравший Калачева председателем, входило немало «государевых людей» – и советник президента, возглавляющий одну из спортивных федераций, и несколько депутатов Государственной думы. Но даже хозяин страны при всем желании не мог пойти на нарушение закона и международного права. В лучшем случае он должен был инициировать досрочные выборы через своих людей в исполкоме и всячески лоббировать своего кандидата на этот пост. Других рычагов у него просто не было.

Таким образом, та давняя кампания в прессе оказалась всего лишь очередной «уткой», которая, однако, высветила перед общественностью проблемы взаимоотношений двух самых влиятельных в отечественном спорте лиц.

Общаясь на людях, они оставались спокойны внешне и даже дружелюбны друг с другом. Но претензий за эти годы у каждого к другому накопилось немало.

Красин, проработавший долгое время в Соединенных Штатах и хорошо знакомый с ситуацией в американском спортивном мире, был полон новых идей и хотел поскорее реформировать российский спорт, чтобы снова вернуть его на передовые позиции в мире, утраченные за последние годы. В том, что Россия на международных соревнованиях стала зачастую уступать первенство не только традиционному сопернику – Штатам, но и Китаю, и объединенной Германии, а зимой еще скандинавам, а порою уже итальянцам, австриякам и французам,

Красин видел значительную вину нынешнего руководства РОК. Старые кадры старательно не желали замечать мировых тенденций в развитии спорта, не хотели слушать ни о чем, кроме как о полной финансовой поддержке государством. Собственные просчеты постоянно списывали на «антирусский заговор», однако не делали ничего для поднятия престижа российских спортсменов, закрывая глаза на несправедливое судейство и прочую дискриминацию россиян. Правда, сам Калачев обладал редким даром находить внебюджетные средства на развитие. Но как и куда они шли? Вот, скажем, совсем недавно Владислав Михайлович очень выгодно уступил права РОК на спонсорские доходы до 2014 года одной крупной фирме, получив взамен гарантию на инвестиции более чем в 100 миллионов долларов. Такая сумма может быть с толком использована для подготовки намечающейся в Сочи Олимпиады. Но может ведь и не быть.

Говорил же Шамилев, что подготовка сборной команды России по теннису к выступлениям на летней Олимпиаде 2000 года в Сиднее выявила парадоксальную картину: медали, которые могли бы завоевать россияне в теннисе, соответствующими ведомствами просто «не планировались». В связи с чем за четыре года предшествующего межолимпийского сезона Всероссийская теннисная ассоциация получила от РОК и Госкомспорта всего одну тысячу долларов США. Двадцать долларов в месяц на подготовку спортсменов к Олимпиаде. Убивать за такое надо!..

А ведь Евгений Плиточников стал тогда олимпийским чемпионом, а Диана Елентьева – серебряным призером. И российские теннисисты всерьез и надолго вошли в элиту этого вида спорта. А причина – в умелой организации дела в самой федерации. Комитет же своим отношением фактически лишь мешал.

Вот и в Афинах спортсмены выступили вразрез с медальным планом РОК. Вроде бы недобрали-то всего три золота, но ведь опять та же странная картина: там, где планируем, – проваливаемся, а получаем там, где сами не ждали. Что случилось с волейбольными командами? Почему недоработали гимнасты? Как минимум двухмедальный недобор золота в фехтовании. Зато выстреливает гребная четверка, где уж лет тридцать никаких успехов не было, и стрелки порадовали...

Не исключено, что это тоже является симптомом. Те виды спорта, что под контролем Олимпийского комитета, на которые ставки делаются и отчисляются государственные деньги, проваливаются на самых ответственных соревнованиях. А те, в которых спортсмены сами ухитряются выживать, хоть и с трудом, приносят нам победы. Призадумайся, туда ли вкладываются деньги. И вкладываются ли вообще? Или оседают они в чьих-то карманах, не доходя до самих спортсменов? Интересно будет поглядеть на Турин. Если и там ситуация окажется аналогичной, надо будет меры срочно принимать...

«Нет, Владислав Михайлович, шалишь! – раздумывал Красин. – Засиделся ты в кресле. Мхом порос уже. Работать не хочешь. Пора бы и освободить...»

Эти мысли посещали министра с завидной регулярностью. Даже дома в кровати перед сном он частенько размышлял о том, как улучшить подготовку сборных и что для этого нужно сделать. Будто герой старой телевизионной рубрики «Если бы директором был я...».

Что следовало бы делать Олимпийскому комитету в современных условиях?

Перво-наперво усовершенствовать систему финансирования. Можно, скажем, предложить в парламенте, отстаивать и пробить-таки закон, подобный 805-му в США, где понижается налогообложение любой деятельности Олимпийского комитета. Получая на льготах дополнительную прибыль, можно использовать ее на развитие видов спорта, лишенных в настоящее время должной поддержки. Можно организовать официальный спортивный тотализатор, как в Италии. Можно претендовать на отчисления от государственных лотерей, как во Франции. Везде, где осуществляется смешанное финансирование спорта, видятся существенные достижения. Кстати, опыт бывшего СССР – великой спортивной державы – тоже наводит на размышления. Как раз массовая лотерея «Спортлото» была одним из главных источников финанси-

рования большинства спортивных мероприятий. Даже московская Олимпиада 1980 года была осуществлена за счет отчислений от этой грандиозной государственной азартной игры. Почему же теперь на извечном стремлении народа к халяве наживаются наперсточники и владельцы игровых автоматов? Совсем ведь нетрудно провести по всем каналам рекламную кампанию – и народ снова понесет свои деньги российским спортсменам.

Так что, если смотреть правде в глаза, пока именно от государства зависит развитие спорта. Поскольку он финансируется пока из государственного кармана. И будет ли иначе – тоже от государства зависит. И этот вопрос он лично в правительстве и поднимет.

В конце концов, если так не хочется отдавать все на откуп рыночным механизмам регулирования, можно перенимать и кое-какой китайский опыт – там спорт бурно прогрессирует, оставаясь в ведении чиновников.

В общем, сделать можно было многое...

Но прежде всего нужно было убрать из кресла главы РОК Владислава Калачева.

2

Минут пять назад Калачев вышел из гостиничного номера, в котором разместились знаменитая олимпийская чемпионка Регина Альтова. Горяча, ох горяча эта лошадка, с удовлетворением подумал Владислав Михайлович, сам далеко еще не старый и много спортсменов повидавший на своем веку. Да, на высоте оказалась Регинка, и не только в своем биатлоне. Только что она показала спортивному шефу такую головокружительную гонку, которую, как ни старайся, никакими словами и не перескажешь. Пожалуй, он, Калачев, не участвовал в подобной уже лет десять!

Спортивный функционер у себя в номере принял прохладный душ и, накинув белый махровый халат поверх легкой летней одежды, вышел на балкон. Номер был роскошный, двухкомнатный, предоставленный ему администрацией самой известной гостиницы Сочи.

Стоя в одиночестве, Владислав глубоко вдыхал йодистый морской воздух. С интересом всматривался он в разноцветные вечерние огни этого необычного города, где лето и зима были разделены лишь небольшим горным хребтом. Мысли чиновника от приятных воспоминаний о завершившемся сладострастном развлечении с красивой молодой женщиной неисповедимыми путями повели его к ожидаемым новостям, которые он вскоре должен обсудить с двумя мужчинами. Визитеры уже звонили, что едут с вестями сногшибательными, – и должны появиться здесь минут через пять – десять.

Правда, на сердце было немного неспокойно. Почему они не прилетели из Москвы в Сочи на сутки раньше, как обещали? Какие такие особенные срочные дела их задержали? Почему решили прибыть поздним рейсом и заглянуть к нему в это полуночное время? Что мешало им встретиться с ним завтра за обедом в ресторане гостиницы или посидеть вечером в винном погребе? Сначала непредвиденная задержка, теперь – необоснованная спешка...

Как-то не слишком нравились Владиславу Михайловичу обстоятельства этого ночного визита. Однако сама встреча сулила ему сказочную прибыль в несколько миллионов евро. Вспомнив об этом, он решил, что визитеры действуют так в целях конспирации, и успокоился.

Коротая время, Калачев выкурил сигарету до самого фильтра и щелчком отправил вниз, понаблюдав, как планирует с высоты четырнадцатого этажа яркий огонек. За его спиной в номере наконец раздались голоса: Владислав специально оставил дверь незапертой для этого позднего посещения.

– Что-то случилось? – вопросом встретил он визитеров, переступая порог балконной двери.

– Нет, все в порядке, – ответил один из гостей.

– А почему так поздно?

– Самолет из Москвы припозднился немного, – пояснил второй, – да и дольше положенного добирались из Адлера в Сочи. На дороге везде дорожные патрули – останавливают всех и «трясут». Сам президент сейчас отдыхает в резиденции «Бочаров ручей». Но, как видишь, мы все-таки добрались до тебя, несмотря на все препоны. Собственно, и опоздали-то минут на двадцать. Ну ладно, на полчаса. Не сердись. А может, так оно вышло даже лучше. По крайней мере, на этот раз никто из ушлых журналистов...

– Как прошло совещание? – нетерпеливо прервал извинения Калачев.

Снова отозвался первый:

– Отлично. Наши доводы услышаны. Наверху принято окончательное и твердое решение. Ты остаешься еще на один срок! Доволен?

– Доволен. Но теперь надо крепко помозговать, – ответил Владислав, – поразмыслить...

– Над чем мозговать? – перебил его второй. – Теперь тебя Мишаня точно не опередит, будь уверен. Колеблющихся не будет. Все «болото» теперь твое: каждому даны четкие указания, подкрепленные должным вознаграждением. Мы, кстати, и все, что тебе обещали, привезли сюда.

– Зачем сюда? – не понял спортивный босс. – По-братски делиться мы вроде бы договаривались там, в Москве.

– Видишь ли, мы на нашем сборище обсудили и эту проблему. И решили, что здесь безопаснее, от ненужных любопытных глаз подальше. Ты положишь этот чек в местный банк, а он отправит деньги в Швейцарию, добро уже получено. И еще...

Первый пришелец продолжал объяснять Калачеву то, что говорилось на сугубо секретном совещании в столице, а второй в это время, будто невзначай, зашел за спину президенту Олимпийского комитета.

Острая боль вдруг пронзила затылок Калачева, лишая способности продолжить разговор, – точный профессиональный удар кастета раздробил Владиславу основание черепа. Но он, обездвиженный и обмякший, еще смутно, мучительно соображал и понимал, что с ним происходит что-то страшное.

Он был прав, потому что в этот момент двое крепких мужчин приподняли его с пола, вытащили на лоджию и резким движением перевалили через балконную решетку. Бывший президент Российского олимпийского комитета, могущественный спортивный функционер очень по-киношному, словно гигантская птица, размахивающая белыми крыльями, полетел вниз к фонтану, шумевшему прохладными ночными струями тринадцатью этажами ниже.

Но крылья не помогли. Калачев, не сумев взлететь, быстро достиг земли и глухо об нее шлепнулся, сильно ударившись ничего уже не чувствующими ногами о кафельную облицовку небольшого бассейна, из центра которого в ночное небо била журчащая вода.

Его тело, еще несколько секунд назад горячее и живое, распласталось мясной отбивной под окнами престижного отеля, возле ограды немудреного декоративного фонтана, каких великое множество в городе-курорте Сочи...

3

– Знаешь, Слав, я вот вчера полночи проиграл в «Цивилизацию». Много чего понял.

– Во что играл? – не понял Грязнов.

– Игра такая компьютерная.

– И давно ты в детство впал? – Грязнов чуть не расхохотался. Даже ладонью рот прижал, поскольку место для веселья было явно неподходящим.

– Зря хихикаешь, – вполголоса продолжил Турецкий, даже не обидевшись. – Просто мы с Ириной подарили Нинке в прошлый день рождения ноутбук. Неплохой весьма компьютер взяли: у нас в прокуратуре и у начальства таких не очень-то сыщешь. Вечером дочь попро-

сила меня помочь поставить ей новую игрушку. Она стратегиями увлекается – вот и выбрали «Цивилизацию».

– Никогда не слышал.

– Темнота, – ухмыльнулся Александр Борисович. – Отстал, однако, от жизни, генерал. Хорошая игра, кстати. Умная. Учит стратегически мыслить и управлять значительными ресурсами, пусть и вымышленными. Там играешь за руководителя страны. Поначалу маленькой, но постепенно народонаселение растет. Ты выбираешь, как жить дальше: науку ли двигать, культурой обеспокоиться или все силы на промышленность кинуть. Можно мускулы наращивать – огромную армию создавать. Так вот, я вариантов пять испробовал разных. В четвертом часу лег – и не смейся лучше, самому смешно. Только вот сколько я ни пытался обойтись со всеми соседями миром, неизбежно наступал момент, когда развиваться в согласии со всеми становилось невозможно. Либо собственный народ начинал бунтовать, либо соседи потихоньку принимались поджигать со всех сторон. И вынужден я был начинать «расширять жизненное пространство». Не хотел, а приходилось. А если я сам упорно никого не трогал, непременно находился кто-нибудь, объявлявший мне войну по смехотворному поводу.

– Ну-ну. И к чему это ты? В реваншисты подался? Пересматриваешь уроки истории?

– Да ладно тебе издеваться. Нет, конечно. Просто моделирую реальные ситуации. Подумалось, что в жизни многое происходит лишь из-за того, что кто-то начинает собственное пространство расширять за счет других.

– Намекаешь на это? – Грязнов подбородком кивнул в сторону творящейся в дальнем углу помещения суеты.

– Не знаю пока. Однако именно с этим-то нам и предстоит разобраться. – Турецкий странно покачал головой, не то отрицая, не то соглашаясь. – Ну что? Идем взглянем на останки сильного мира сего?..

Морг Первой градской больницы вовсе не каждый день работал в таком напряженном режиме. Его повседневную холодную тишину, где обычно трудились лишь патологоанатом с помощниками, сегодня нарушали разговоры следователей Генеральной прокуратуры, работников уголовного розыска, судмедэксперта, понятых, которые неловко переминались с ноги на ногу чуть поодаль, стараясь не путаться под ногами у врачей и криминалистов.

Повод был достаточно серьезный: в столицу прибыло тело трагически погибшего в Сочи председателя Российского олимпийского комитета. Конечно, согласно закону и следственной практике, расследованием каждого преступления должны заниматься территориальные следственные органы, то есть следствие всегда ведется по месту совершения преступления. Сочинской прокуратурой по факту гибели Калачева было возбуждено уголовное дело, и расследование началось. Однако погибший был крупным государственным чиновником. Приключившееся несчастье сразу же получило широкую огласку, возник никому не нужный общественный резонанс. И после некоторого замешательства и долгих дебатов президентская администрация и правительство обратились все-таки к генеральному прокурору Владимиру Михайловичу Кудрявцеву с «просьбой» взять это дело из региональной прокуратуры в центральную. Ну и расследовать, естественно, самым тщательным образом.

Вообще говоря, высшие государственные инстанции и Федеральную службу безопасности подключили «на всякий пожарный», однако уголовное дело надлежало вести все-таки уголовному розыску и прокуратуре. На коллегии Генпрокуратуры было принято решение: поручить расследование обстоятельств гибели председателя РОК Калачева следственно-оперативной группе во главе с госсоветником юстиции третьего класса Турецким. Александр Борисович, поставленный об этом в известность заместителем генерального прокурора и давним другом Константином Дмитриевичем Меркуловым, безотлагательно приступил к работе.

– Ну что тут у нас?

Заместитель начальника Первого Департамента МВД России генерал-майор милиции Грязнов Вячеслав Иванович, которого министерское руководство вынуждено было отпустить в группу Турецкого, обошел вокруг стола, на котором лежало тело бывшего спортивного функционера.

– Вообще говоря, есть кое-какие нестыковочки. – Опытный судмедэксперт Борис Игоревич Обручев, сухошавый пожилой мужчина, потер руки, словно бы в предвкушении удовольствия.

– Не томи, Боря, а? – вмешался Турецкий. – Дел еще выше крыши.

– Вот какая здесь хреновина, поглядите. – Обручев откинул простыню с ног погибшего. – Характер фактически всех повреждений говорит о том, что потерпевший сверзился с огромной высоты ногами вниз. Видите? Множественные переломы конечностей, смещенные кверху кости таза. Внутренние органы опущены от сильного удара, селезенка надорвана. Но смерть наступила не от этих повреждений. По большому счету, эскулапы его собрали бы. А умер бедолага от перелома основания черепа. Лично меня это настораживает.

– Он не мог, переломав ноги, удариться обо что-нибудь затылком? – подсказал Грязнов.

– Мог. Но это надо на месте уточнять: куда падал, что там вокруг было. Сама-то голова почти в порядке. Только под затылком...

– Спасибо, Борь. Мы учтем и уточним. Ладно, работай. Если вдруг еще «нестыковочки» обнаружатся после нашего ухода, не сочти за труд, позвони на мобилу. У тебя же номер есть? – Турецкий дождался подтверждающего кивка. – Просто в бегах будем эти дни, как лошади пожарные. По официальным каналам может не сразу дойти.

– Лады. – Обручев пожал им руки, отвернулся к труп и продолжил свое важное, хотя и малоприятное занятие.

А Турецкий с Грязновым тем временем внимательно осматривали аккуратно сложенные стопочкой вещи Калачева, привезенные вместе с бывшим хозяином из Сочи. Здесь детективов тоже ожидала «нестыковочка», как выразился судмедэксперт. Точнее, приятная неожиданность. Или неприятная – с точки зрения их сочинских коллег.

Случается иногда такое, что при первоначальном осмотре следователи и оперативники не слишком внимательно проверяют карманы одежды жертвы. Такое бывает обычно при осмотре вещей, которые хоть и принадлежали потерпевшему, но не были на нем надеты в момент преступления. Они воспринимаются вроде бы второстепенными и осматриваются формально, без должного внимания. Подобное произошло и на этот раз. Перед гибелью на Калачеве были легкие брюки и тенниска, поверх которых был наброшен халат. В шкафу гостиничного номера остались висеть деловые костюмы президента РОК, в том числе и серый летний пиджак Владислава. Его-то и не обыскали с достаточной тщательностью те сотрудники сочинского уголовного розыска, что проводили осмотр места преступления.

А теперь Турецкий с удивлением выудил из глубины нагрудного кармана калачевского пиджака и осторожно развернул сложенный вдвое небольшой листик из дешевого блокнота, который ранее остался незамеченным.

«Слава! Срок тебе обеспечен. Если все сделаешь, как договорились. Жди гостей. Твой Вадим».

«Вот вам, господа следователи, второй занятный ребус, – призадумался Александр Борисович. – „Срок обеспечен“. Уголовщина какая-то. Угрожали ему? Тюрьмой? Не слишком вяжется с уровнем этого спортивного функционера. Чтобы такого посадить, надо самому быть очень большой шишкой. Да и вряд ли солидные дяди, занятые такими крутыми делами, друг другу подобные письма шлют, словно гимназистки влюбленные. Или шлют? Для пущего эффекта? А он испугался и выбросился?.. Ладно, поживем – увидим», – ободрил сам себя Турецкий, оформляя протокол изъятия этого вещественного доказательства.

Более ничего существенного обнаружено не было, и Александр Борисович с Вячеславом Ивановичем заторопились.

К шести вечера им нужно было быть в Шереметьево-1, чтобы уже в девять ступить на бетон Адлера. А до этого необходимо было собрать всю группу, еще раз обсудить поставленную задачу, примерно очертить круг обязанностей. Хорошо, что все они были неоднократно проверены, и лишних слов им говорить не нужно. И между собой тоже знакомы давным-давно.

В Сочи с Турецким и Грязновым летели еще четыре человека: сотрудники Грязнова, старшие оперуполномоченные Владимир Яковлев и Галина Романова, а из следователей прокуратуры Александр Борисович взял с собой Владимира Поремского и Рюрика Елагина. Коллектив подобрался достойный.

И еще в одно местечко нужно было Турецкому заскочить непременно. В прошлый раз в деле хостинской преступной группировки здорово им помог старый уголовный авторитет по кличке Шушар, много лет как отошедший от криминальных дел. Но без его предупреждения в свое время вряд ли это нынешнее, Сочинское дело, вел бы теперь Турецкий, поскольку уже давно был бы со всеми почестями похоронен. А выход на Шушара имелся только у лучшего работника детективного агентства «Глория» Алексея Петровича Кротова.

Здесь возникала, правда, некоторая этическая проблема.

Агент всегда лицо зависимое – это аксиома. Но любой из уважающих себя следователей или оперативников старается не обижать и уж тем более не унижать своих подневольных, в общем-то, помощников, зная, чем грозит им в конечном счете тайная связь с «ментовкой», если о ней узнают преступники. На этот риск люди шли не от хорошей жизни. И не из-за смешных гонораров, время от времени выплачиваемых им органами. Часто им важна была только поддержка, необходимая помощь, на которую они всегда могли рассчитывать в трудную для себя минуту. И оперативники обычно берегли полезных агентов пуще зеницы ока. Отмазывали в самых щекотливых ситуациях. И уж никогда не «раздавали» их направо и налево даже по служебной необходимости.

Хотя Шушар и не был агентом в строгом понимании этого термина, но Крот вряд ли обрадуется предложению Турецкого «сдать контакт». Впрочем, сам Александр Борисович тоже не собирался давить. Захочет Петрович – так хоть адресок даст. А там уже как у самого Турецкого выйдет. А не захочет – так ведь можно Дениску Грязнова попросить, чтобы сварганил своему работнику командировочку в Сочи. А там уж пусть работник сам со своими кадрами разбирается. Ну а если Дениска кочевряжиться начнет, пусть Вячеслав нажмет на директора детективного агентства, дядя он, в конце концов, или не дядя?..

Глава 3

1

Михаил Красин проснулся по обыкновению рано. Выбрался из постели, стараясь не разбудить жену. Прошлепал босиком на кухню, заварил в старинной медной джезве крепкий кофе, к которому пристрастился в последний год. Раньше-то он просто не позволял себе этого напитка – с молодости тренеры учили сердце беречь. Да и не особенно любил. Так часто бывает: люди не слишком любят то, чего не могут себе позволить. Этим они спасают свою психику от лишних соблазнов и выматывающей душу зависти. А теперь вот, когда с активным спортом покончено, если утром Красин не выпьет горького, скрипящего на зубах напитка, квелым весь день ходит. За год крупным специалистом в заваривании заморского питья стал министр.

Поставил джезву на огонь, дождался появления аппетитной светло-коричневой пенки, вылил в чашку и стал тянуть с наслаждением, обжигаясь. Потом собрался, пытаясь не слишком шуметь, взглянул перед выходом в огромное зеркало в прихожей – американская привычка: выходя из дому ты обязан выглядеть безупречно – и тихонько затворил за собой входную дверь.

Он не стал вызывать служебную машину раньше начала рабочего дня водителя. И свою из гаража забирать тоже не стал. Спустился в переполненное утреннее метро и покатил до «Курской», радуясь тому, что хотя бы раз в год может позволить себе «пешеходную» прогулку – инкогнито. Он отвык от московского метро, вообще отвык от этого странного суетливого подземного города, и никак не мог привыкнуть снова. Но в нем уже то было хорошо, что только в городской толпе Михаил и не был на виду. Его и вправду практически не узнавали, хотя лицо Красина было известно всей стране – ведь как-никак один из самых заслуженных спортсменов в прошлом. Любой узнал бы его, только мелькни он в телевизоре или выйди на сцену. Но в подземке «сонные человеки» не глядели по сторонам и ни на кого не обращали внимания. Они либо были обращены внутрь себя, либо вообще досматривали последние сны на ходу.

Несколько наблюдательных мужчин удивленно оглянулись, но, похоже, просто не поверили, что это он. Вероятно, решили, что обознались.

Отделившись от спешащей на вокзал толпы с чемоданами и авоськами, глава российского спорта свернул в Сусальный Нижний переулок, выводящий на Казакова, где с незапамятных времен размещались советы, комитеты, бюро и многочисленные агентства по спорту. Теперь там обосновалось его министерство. Он уже второй год пробивает переезд в новое здание на Тушинском аэродроме, но строительство там все никак не могут закончить. Как, впрочем, и все в этой стране. Где вечно «революция продолжается», и есть у нее только начало...

Вышколенный охранник, завидя босса, умело «поймал» брови, удивленно поползшие было вверх. Вытянулся во фрунт, не говоря ни слова. Затем почтительно сделал шаг в сторону и пропустил «хозяина»: раз тот решил появиться в шесть утра – значит, нужно...

Визитеры появились к десяти. Два записавшихся на прием руководителя крупной строительной корпорации, возводящей спортивные объекты в Краснодарском крае, вошли в кабинет министра физического развития нации один за другим, и Красин невольно улыбнулся: очень живописной была эта пара.

Первым – по чину – вошел генеральный директор Сергей Владимирович Поляков. С ним Михаил Юрьевич уже встречался на нескольких заседаниях в министерстве, где решались вопросы спортивного развития регионов, и помнил в лицо. Его трудно было не запомнить, поскольку Поляков, хоть ростом он невелик, всегда был очень импозантным, будто он сошел с фотографии первой четверти двадцатого века. И сегодня он явился на рабочую

встречу, будто на заседание богемного поэтического кружка. Идеальные стрелки на брюках с двумя защипами, сюртук песочного тона, выразительные жаккардовые рисунки на атласе жилета, туго накрахмаленный пластрон сорочки, гармонирующий с платочком, выглядывающим из кармана. Небрежно повязанный яркий шейный платок под загнутыми уголками воротничка-стойки придавал молодому олигарху вид бывалого повесы, а гладкие напомаженные волосы, прикрывающие уши, и борода клинышком дополняли впечатление. Ни дать ни взять завсегдатай салона Зинаиды Гиппиус.

Но впечатление было обманчивым. Этот «юноша» был из той плеяды молодых экономистов, которые некогда собирались на конференциях элитного клуба «Синтез» в ленинградском Дворце молодежи. Достаточно замкнутый клуб стал в годы, предшествующие перестройке, филиалом экономического кружка Рудайса, из которого «реформатор» черпал свои кадры. Многие соратники Полякова, как и сам он, перебрались в столицу следом за учителем. Большинство из «кружковцев» в правительстве: трое уже министры, и у них теперь даже свой вице-премьер есть.

Сергей же Владимирович выбрал иную стезю. Когда друзья тоннами скупали ваучеры у работяг и приватизировали все, до чего могли дотянуться, он – практически с нуля – создал небольшую строительную бригаду. И стал воплощать те «рыночные методы хозяйствования», понимание которых рождалось в бурных клубных дискуссиях...

«Человек, достойный всяческого уважения и поддержки», – думал о нем Красин. Хотя поговаривают, что в последнее время он стал неразборчив в средствах.

Второй же, по фамилии Сухарев, был много старше, крупней и, в то же время, незаметней. Безукоризненный деловой костюм. Безукоризненно выбритая невыразительная физиономия. Абсолютный усредненный представитель крупного бизнеса. Можно посылать резидентом службы безопасности за границу – растворится среди буржуазии бесследно. А можно на зону отправлять, где никто не выделит его среди сотен зеков. Но иногда в глазах его нечто такое появляется, что заставляет поежиться даже министра, хоть сам он человек неробкого десятка.

Эта пара так не соответствовала друг другу и так друг друга дополняла, что у Михаила непроизвольно промелькнули в памяти Штепсель и Тарапунька, Пат и Паташон и даже Азazelло с Коровьевым. И он улыбнулся.

Так, с улыбкой, хозяин кабинета и предложил гостям присесть, выпить кофе и приступить к делу.

Визитеры предоставили министру информацию о своих проектах на Черноморском побережье Кавказа, обрисовали перспективы, назвали суммы, которые были готовы вложить дополнительно, в связи с подготовкой региона к будущей Олимпиаде. Все это Красин приблизительно представлял себе и раньше, а теперь получил фактически полный отчет о проделанной работе и даже развернутый бизнес-план на перспективу. Это очень радовало министра, поскольку подтверждало его тезис о том, что финансировать спорт должно не только государство, но и успешные бизнесмены. Они должны получать и прибыль – и станут ее получать от туризма и торговли. Зато спорт при этом не будет жить на голодном пайке и сможет развиваться.

Но затем строители начали жаловаться. На то, что самые лакомые заказы уплыли из их натруженных рук. Да что там из рук! Из рта прямо кусок хлеба с маслом увели! Не «Оптимастрой», так много сделавшая уже для развития зимнего спорта в окрестностях черноморского курорта, а многочисленные фирмы Петра Семеновича Майстренко и его подручных стали получить львиную долю от тех шести миллиардов долларов, которые были вложены государством и сторонним бизнесом в строительство сооружений для зимней Олимпиады в городе Сочи.

Обиженные перешли к прямым обличениям:

– Мы прекрасно понимаем, отчего так произошло. Ясно же, что наш уважаемый шеф олимпийской команды на корню закуплен олигархом Майстренко. И теперь они вместе делят между собой огромные средства.

– Знаете, – мягко отвечал Красин, – я не прокурор, чтобы разбираться – воруют или нет. И не кухонный сплетник, выясняющий, кто из соседей что делит. Да, мне тоже интересно, куда делись десятки миллионов долларов, полученных Российским олимпийским комитетом от спонсоров. Но это вопрос не моей компетенции. Есть кому проверить, кому узнать. И уже проверяют и узнают, будьте уверены. Я сам же об этом и позаботился.

– Все это замечательно. Но время уходит, Михаил Юрьевич! – Поляков умел быть настойчивым. – Вы же понимаете, что у нас «узнавать» можно годами. За это время они растратят миллиарды, потом выяснится, что страна не готова к Олимпиаде. И поздно будет что-то исправлять. И шишки за неготовность посыпятся и на вашу голову в том числе. А между тем ведь есть у вас проверенные партнеры, которые отчего-то остаются не у дел.

– Да я и сам бы рад, поверьте, – отвечал министр. – Знаю, что мы с вами всегда нашли бы общий язык, как находили и ранее. Однако по существующим на сегодня спортивным законам я бессилён отменить решение председателя РОК. И в этом не только местные законодатели виноваты. Это международная юридическая практика.

– Знаете, что я вам скажу, уважаемый Михаил Юрьевич? – В голосе интеллигентного директора корпорации появился металл. – Правду. Пусть она будет и нелицеприятна. Вы, похоже, просто не хотите решать возникающие проблемы. Вот прямо сейчас не поленитесь, выйдите из своего кабинета, сделайте двадцать шагов налево, а потом еще пятьдесят шагов направо – дорога вам хорошо известна, как раз ведет к туалету, так вот за ним, милым, прямо за его стеной начинаются самые настоящие руины здания бывшего Госкомспорта России, ставшие неким символом отечественного спортивного движения. Никому не нужен сейчас Госкомспорт, министерство. Само здание стало ненужным. В Америке-то, поди, такой бесхозяйственности и в помине нет, а?.. Там уважающий себя государственный деятель в таких условиях работать не будет, а вы работаете! Значит, следуя казуистической логике, себя не уважаете?! А хотите уважить всех нас. Не надо! Вы бы лучше здание в порядок привели, люди бы вас после того, как вы уйдете, долго бы добрым словом вспоминали. А так ведь не дождетесь... За последние десять лет в новой демократической России перед вами было семь глав ведомства с такими же амбициями, которые якобы тоже что-то возводили, но оставили одни руины. И вы правы в том, что сами, без помощи, ничего решить не можете. Практически всех ваших предшественников люди окрестили одним метким словом – «временщики», что в словаре русского языка Ожегова истолковывается как «человек, по воле сильного покровителя оказавшийся на время у власти». Вы, Михаил Юрьевич, уж извините за прямоту, очень хорошо вписываетесь в этот ряд...

Красин держать удар умел. Он терпеливо слушал, а потом приподнял ладонь, перебивая собеседника:

– Сбавьте обороты, Сергей Владимирович, если не хотите со мной поссориться. А я бы не советовал это делать, к слову сказать. Но если я где и временщик, так именно в этом здании. Скоро мы переедем в Тушино – и там не стыдно будет работать любому американскому деятелю. Однако, в любом случае, вне зависимости от моих бытовых условий, проблему смены генерального подрядчика решить может только председатель РОК. А это значит...

– ...что сначала нужно сменить председателя, – мрачно, но вполне логично продолжил за него Сухарев.

– И эту проблему я намерен решить, – заверил Красин. – И решу, хотя придется потрудиться.

– Ну что же, – радостно закивал генеральный директор «Оптимы-Строй». – Знайте, что всегда и во всем можете рассчитывать на нашу поддержку...

2

Сочи – город специфический. И не только потому, что в названии его слышится морской прибой и постоянный шорох широколистных пальм, мерещатся яркие огни ночных кафе и ресторанов на набережных. Это все лирика. А специфичен Сочи и в сугубо градообразующей идее. Сочи изначально строился как город для развлечения и отдыха. А для отдыха – чем больше моря, тем лучше. Поэтому, если учитывать и Лазаревский район, город вытянулся почти на полторы сотни километров вдоль побережья, оставаясь весьма небольшим по ширине. Чаще всего – в несколько кварталов. Поэтому и дорога из аэропорта до городской прокуратуры примитивна до безобразия: как свернули в Адлере на Ленина – так и поехали по трассе мимо Кудепсты и Хосты, никуда не сворачивая. И только километров через тридцать, уже в самом Сочи, в Центральном районе, с Курортного проспекта нужно сделать еще один поворот – на Театральную. И через сотню метров можно тормозить у дома номер восемь: все, приехали!

В прокуратуре, несмотря на поздний час, группу ждали.

После февральского убийства городского прокурора Бориса Никифоровича Липатова сочинскую прокуратуру возглавил Алексей Александрович Смирнов, специалист неплохой, но порой чрезмерно нервный и импульсивный. Он пытался быть радушным, но некоторая обида на то, что дело – даже такое простое – забрали у него в центр, будто ему не доверяют, проглядывала даже в осанке. Хоть и понимал он, что так всегда бывает в случае гибели высокопоставленного лица.

Помимо Смирнова в кабинете прокурора находилось еще человек пять, среди которых Турецкий увидел и следователя управления УВД Сочи Юрия Крахмальщика, приглашенного, вероятно, потому, что он принимал участие в прошлом сочинском деле московских товарищей. Турецкий кивнул, хотя особого толка в привлечении знакомцев к нынешнему расследованию не видел. Вот с Колей Чижовым из Краснодарской краевой прокуратуры он бы поработал. Но край в этом действе, в соответствии с законом, оставался сторонним наблюдателем.

После представления друг другу следователи расселись за столом. И Алексей Александрович озвучил мнение сочинской прокуратуры.

– Как всем нам известно, семнадцатого сентября во время служебной командировки в нашем городе погиб президент Российского олимпийского комитета Калачев Владислав Михайлович. По заключению медиков, господин Калачев разбился, выпав из окна президентского люкса на четырнадцатом этаже гостиницы «Жемчужина», зарезервированного за ним на весь срок командировки. По факту смерти президента РОК прокуратура Сочи проводила проверку, в начале которой следственные органы не исключали, что Владислава Калачева могли сбросить с балкона. В частности, хотя бы потому, что он не оставил никаких свидетельств о намерении добровольно уйти из жизни. Однако за те четыре дня, что мы вели следствие до передачи его вам, – Смирнов демонстративно поклонился Турецкому, – мы пришли к вполне определенному мнению: оснований для возбуждения уголовного дела по факту убийства нет. Мы успели опросить постояльцев соседних номеров, персонал отеля и других свидетелей и экспертов. Характерный звук упавшего тела слышали многие люди: в час ночи у нас жизнь, как говорят, только начинается, это, по нашим меркам, не так и поздно. Нашлась свидетельница, которая даже видела, как Калачев летел с балкона. Практически сразу же после его падения об этом было сообщено в службу безопасности пансионата, которая и вызвала на место происшествия нас. В общем, пока криминальная версия гибели президента РОК не нашла подтверждения. Никто из опрошенных нами свидетелей не слышал, чтобы в номере господина Калачева перед падением ссорились или ругались. Упал человек с балкона – это трагедия, но такое происходит у нас за сезон несколько раз. Почему никого не удивляет, когда человек спотыкается? Говорят: ну споткнулся, и все.

Возможно, есть основания со всех сторон проверить версию самоубийства, но, скорее всего, мы имеем дело с самым банальным несчастным случаем. Анализ крови погибшего свидетельствует, что он в момент гибели находился в состоянии опьянения средней тяжести.

Александр Борисович поблагодарил прокурора. Выяснил, кто производил первоначальные следственные действия. Попросил выделить в распоряжение своей группы двоих местных ребят. Не обязательно Крахмальщика – лучше тех, кто уже занимался делом Калачева. Смирнов сказал, что непременно предоставит. С завтрашнего дня два человека, два лучших специалиста, поступят в распоряжение господина Турецкого. Сегодня он подумает, кто достоин такой чести, а завтра утром выделенные следователи встретятся с новым начальством в кабинете, который будет отведен для работы столичных гостей.

Затем Смирнов пригласил прибывшую следственную группу занять места в служебной «газели» и отправил всех устраиваться в той же «Жемчужине», с балкона которой недавно совершил свой последний полет президент РОК. В сопровождающие гостям был назначен следователь Борис Дерковский, который, в числе прочих, совсем недавно вел дело об убийстве журналиста Кригера.

– Борис эээ... Геннадьевич? Я правильно запомнил? – Турецкий, расположившись в микроавтобусе, обратился к сочинскому следователю. Тот кивнул. – Насколько я понял, именно вам поначалу было поручено дело о гибели Калачева?

– Да. Но мы только начали, по большому счету. Поэтому я категорических заявлений начальства не поддерживаю.

– Ого! – Александр Борисович покачал головой. – А что, есть основания для сомнений?

– Нет. Просто пока нет оснований и для таких смелых заявлений. Нам приказали все оформить и вам передать, хотя не проделано и трети работы.

– К примеру?

– Двух постояльцев, например, на том же этаже опросить не довелось. Они рано утром выбыли из отеля. Одна в Москву, другой в Уренгой. Их отыскать надо, связаться. Может, и ничего нового, конечно. Пустышка. Но ведь их показания могут и совсем в другую сторону дело повернуть.

– Понятно. – Турецкий почесал подбородок. – А кто занимался опросом?

– Мы и занимались. С Назаренко. Шеф сказал, кстати, что именно мы будем к вам прикомандированы.

– Отлично... – «Газель» резко тормознула перед входом в отель. Турецкому пришлось рукой схватиться за спинку переднего сиденья. – Ну что же. Завтра начнем разбираться. Вы к администратору? Пусть не особенно затягивает оформление. Ладно? Хотелось бы отоспаться для начала...

Президентского номера Александр Борисович, разумеется, не дождался, поскольку номенклатурным росточком не вышел. Но ему, как руководителю следственной группы, сочинские товарищи устроили шикарный двухкомнатный люкс на том же четырнадцатом этаже, откуда и выпал фигурант уголовного дела, будто специально. Остальных поселили на тринадцатом: мужчин – в двухместных номерах, а Гале достался одноместный.

Турецкий открыл дверь в номер и первым делом заглянул в санузел. «Джентльменский» набор: гидромассажная ванна и биде. Присвистнул, вошел в гостиную и с любопытством огляделся. Ну что же – вполне пристойно. Можно, пожалуй, и «поскучать» несколько дней в номере с холодильником, кондиционером, телефоном, двумя балконами и цветным телевизором. Было бы время в тот «ящик» пилиться.

Александр Борисович заглянул в телефонную книгу, набрал номер Грязнова и тут же позвал Славу к себе с предложением перебираться и занимать гостиную с диваном, оставив прежний номер в полном распоряжении Яковлева.

– Если диван не нравится, устраивайся в спальне на французской кровати, – смеясь, рекомендовал Александр Борисович. – А я перееду в гостиную.

– Спасибо, Саня. Благодетель ты мой. Я уж тут примощусь, на коврик у двери, – отшутился Вячеслав Иванович, оглаживаясь в большом номере.

Мужчины вызвали горничную и попросили поднять белье из номера этажом ниже.

Горничная ответила, что все делается не так, что то белье числится за тем этажом и переезжать ему не дозволено, но среди вверенных ей комплектов есть запасные, рассчитанные как раз на подобные случаи. И она сейчас непременно таковой выдаст. Работница отеля пошла к двери, бурча под нос, что все мужики одинаковы. Стоит в командировку от жен удрать, начинают кучковаться. По двое, да по пятеро, а чаще – на троих соображают. Соберутся втроем вот так посреди ночи, а потом с балконов выпадают...

Грязнов с Турецким удивленно переглянулись.

3

Вторым вопросом – после большого перерыва, в котором депутаты успели перекусить и выпить пивка в ведомственном буфете, – Олимпийская дума на своем съезде в конце июля рассматривала принятие нового устава Российского олимпийского комитета.

Дебаты были бурными и продолжались больше трех часов.

Журналисты, которым не позволили присутствовать в зале заседаний, все это время караулили на выходе видных спортивных функционеров и теперь в разных углах фойе обступали то одного, то другого, держа микрофоны наперевес.

«Ситуация сложилась таким образом, что государственное финансирование сборных команд страны осуществляется через мое министерство, – говорил „Вестям“ Михаил Красин. – Оно оплачивает работу тренеров и других специалистов, участие в международных соревнованиях, инвентарь и оборудование. А методическое руководство командами сосредоточено в федерациях, которые, в свою очередь, будучи общественными организациями, являются независимыми и осуществляют свою деятельность по регламентам международных спортивных формирований. Такова сложившаяся в мире практика, и особых противоречий в этом нет. Однако я уверен, что укрепление государственной вертикали в системе руководства спортивным движением оправдано. Но, разумеется, не за счет резкого усечения прав национального Олимпийского комитета и федераций. Новая редакция устава Олимпийского комитета России, принятая сегодня Думой, открывает перспективы продуктивного взаимодействия. Государственный подход в данном случае предполагает привлечение к сотрудничеству всех специалистов и соблюдение интересов общественных организаций».

Несколько телеканалов и радиостанций мучили президента Российского Олимпийского комитета.

«Основное направление, которое определил нам Международный олимпийский комитет и его глава Жак Рогге, – концентрация работы на качестве, а также то, что устав РОК должен соответствовать Хартии МОК. Обсуждение новой редакции устава получилось долгим и сложным, однако в итоге все спорные моменты были решены, и отныне он соответствует требованиям Хартии МОК. В итоге мы изменили состав исполкома, сократив его численность с четырехсот до двухсот тридцати членов, а также упразднили Бюро РОК, чьи функции возьмет на себя исполком», – сообщил Калачев.

Владислав Михайлович также добавил, что Олимпийская дума России сняла ограничения для руководителей государственных структур, которые отныне вправе баллотироваться на пост президента РОК, хотя юридически эта поправка пока не утверждена.

«В старом тексте был пункт, – сказал он, – который не позволял госслужащим баллотироваться на пост президента Национального олимпийского комитета. Я же считаю, что такое право должен иметь каждый: нам надо думать не о Калачеве, Красине или Шамилеве, а о будущем страны. При этом поправку в устав РОК мы приняли, но как юристы на это в министерстве посмотрят, неизвестно».

В свою очередь, член МОК, председатель Федерации тенниса Зуфар Рифкатович Шамилев подчеркнул перед телекамерами, что после принятия нового устава Россия вышла на другой уровень.

«Мы еще вчера были в числе стран, где устав Олимпийского комитета не соответствует Хартии МОК, тем более что эта Хартия с две тысячи первого года несколько раз менялась и ушла далеко вперед. Теперь же мы попали в элитную группу стран. На сегодня создан гораздо более дееспособный орган, – сказал он. – Структура РОК, согласно новому уставу, будет более четкой. Упраздняется промежуточная управленческая ступень – бюро исполкома ОКР, останется собственно исполком, непосредственно которому на периоды между созывами Олимпийской думы и будут вручены руководящие функции. Исполкому, а не промежуточному управленческому органу, который теперь упразднен. Сокращено также с двенадцати до восьми число вице-президентов РОК. В состав руководящих органов РОК вольются новые силы – это в основном известные спортсмены, олимпийские чемпионы, завершившие недавно турнирную карьеру. До конца две тысячи пятого года состоится еще одно заседание Олимпийской думы – отчетно-выборное, вскоре после которого олимпийцам предстоит защищать честь страны на Играх в Турине. От того, насколько слаженными окажутся действия всех руководителей российского спорта, во многом будут зависеть результаты национальных команд на Олимпиаде две тысячи шестого года».

В общем, каждый из руководителей одобрял решения Думы. И каждый из них строил далеко идущие планы. А президенту Олимпийского комитета страны оставалось жить полтора месяца.

4

Под кабинет московской оперативно-следственной группе Смирнов выделил «прокураторский» зал. Так называли комнату вдвое большую прочих, где обычно городской прокурор устраивал оперативные «летучки» и «накачки» подчиненным.

Сейчас обширный стол, за которым он обычно восседал, был выдвинут на середину. А стулья, всегда выстроенные шеренгами, сломали привычный строй и, не соблюдая ранжира, сгруппировались вокруг стола.

На стульях разместились те, кому предстояло в весьма сжатые сроки выполнить огромный объем работы, чтобы оправдать доверие самых высших инстанций.

– Запомните и в дальнейшем имейте, пожалуйста, в виду: важна мельчайшая зацепка, малейшая деталь, самая неприметная мелочь. Нужно постараться отыскать всех, кто хотя бы мельком видел Калачева в день гибели. Нам нужно знать весь его день практически поминутно: встречи, разговоры, улыбки, гримасы, реплики. Понимаете? Важна любая смена настроения в течение дня. И установить причины, по которым он радовался или огорчался. Только тогда мы сможем понять, был ли у него повод опасаться кого-то. Или разочароваться в собственном существовании.

– Полагаешь, возможно самоубийство? – Грязнов не очень верил в то, что могущественный чиновник в самом расцвете сил и карьеры вдруг решит свести счеты с жизнью.

– Не знаю, Слав. Записку помнишь? Может, шантаж. Но тогда нам необходимо найти шантажистов. А горничная? Ее упоминание странной «соображающей» троицы? Обязательно нужно выяснить, кого она имела в виду. И отыскать эту троицу. Что произошло в отеле? Убий-

ство? Самоубийство? Несчастный случай? Именно это нам и предстоит выяснить. В общем, надо искать мотивы и причины... Кстати, о записке. Для местных товарищей сообщаю, что они один вещдок прощляпили. В пиджаке покойного Калачева мы, уже в Москве, обнаружили записку, в которой ему обещают «срок». Подписано Вадимом. Поэтому, так. Галочка, – Турецкий кивнул Романовой. – Попробуй этого Вадима установить. В помощь тебе – проштрафившиеся. Борис Геннадьевич, вы уж вместе с Владимиром Сергеевичем, пожалуйста, помогите Галине Михайловне всем, чем можете.

– Желательно материально, – улыбнулась Галя.

– Ну это уж как договоритесь, – в тон ей ответил Александр Борисович. – Но при этом, господа сочинцы, доведите до конца то дело, которое еще до нашего приезда начали. Опросите всех возможных свидетелей. Можете по два, по три раза опросить жильцов, персонал, гостей отеля. Да хоть прохожих, в конце концов. Уточните, кто, помимо горничной, видел троих мужчин. Найдите мне не тех, кто ничего не видел, а тех, кто видел. И проявите расторопность и инициативу. Ведь это вы мне должны были все доложить – и о записке, и о посторонних людях, а не я вам.

Затем он обратился к Поремскому:

– Володя, эту рутинную работу курируешь ты. Слава, ты с Яковлевым выезжай в «Красную Поляну». Одной из целей командировки Калачева была инспекция строящихся там спортивных объектов. Но побывать он там не успел. Выясни, кто его должен был там встречать и когда. Узнай, предупреждал ли его Калачев о времени визита или говорил о возможной задержке. Посмотри, что вообще на строительстве происходит, что народ говорит. В общем, сам знаешь лучше меня... На мне же остаются те соседи, которые уже уехали из Сочи. Может, ведь и неспроста. Плюс городские власти и спортивные организации. Рюрик будет мне помогать. Задачи личному составу ясны? Вопросы?

– У матросов нет вопросов! – насмешливо, но бодро отрапортовал Грязнов.

– И это хорошо, – резюмировал Турецкий. И очень к месту процитировал известную фразу времен строительства социализма: – Цели определены, задачи поставлены, за работу, товарищи!

Глава 4

1

Куда уходит любовь? Почему так происходит? Однажды утром просыпаешься в отличном настроении и понимаешь, что с тобой в постели лежит абсолютно чужой человек, к которому у тебя не осталось никаких чувств, кроме безразличия. И ты ничего не можешь с этим сделать. Хочешь уйти, но держит привычка. Хочешь остаться, но раздражают любые мелочи. Это бесконечные скандалы, ссоры, обиды на пустом месте. Жизнь постепенно превращается в ад...

Секс не потому, что любовь, желание, а потому, что так было не один год. Что делать? Как избежать настолько плачевного финала отношений, которые так хорошо начинались?..

Единственный выход – сразу уходить, бежать. Дальше может быть только хуже. В этом Лариса была уверена. И поступила в соответствии с убеждениями. И с тех пор ни разу не пожалела о содеянном...

Но отчего-то опять, как всегда абсолютно не к месту, вспомнился бывший муж.

Зачем? Ведь вроде бы все хорошо теперь. Вроде избавилась она от того кошмара. Ан нет, вспоминается снова, хотя ей вовсе не хотелось в это прекрасное мартовское утро думать о тех временах, когда унылый инженер, возмнивший себя поэтом, жил подле нее какой-то собственной автономной жизнью. Утром расходились в разные стороны, чтобы встретиться поздним вечером. Поужинать – и в койку. Спина к спине.

Ходил супруг в свой институт просиживать штаны, а после – на какие-то литературные посиделки к таким же графоманам, как он сам. Печатал тоненькие сборнички за свой счет. Да за какой «свой», если он всю жизнь жил за ее счет?! Вынуждая ее пахать с утра и до вечера, чтоб хотя бы ее собственная жизнь была достойной. Чтобы иметь возможность не стыдиться перед коллегами из-за своего прошлогоднего платья на корпоративной вечеринке. Чтобы купить путевку в Париж или, скажем, в Гоа, когда хочется отдохнуть и развеесться. Чтобы иметь возможность хотя бы раз в сезон встать на лыжи...

А ему вроде бы и не надо было ничего. Годами носил затертые джинсы, ездил в них работать на дачу, в них же ходил в гости по праздникам. Ей было стыдно за него, а ему – хоть бы хны. Костюмы ему выбирала, а они оставались висеть на плечиках в шкафу. В своей конторе муж получал копейки, которых не хватило бы даже одному прокормиться. Но ужасно гордился, когда раз в три года удавалось пристроить вирши в толстый литературный журнал.

Недавно тиснул вот такое:

Пусть занесут меня в скрижали: я был в аду.
Где души свежие лежали на вечном льду.
И справедлив, и беспощаден морозный плен:
тому, кто бесконечно хладен, не страшен тлен.
Душа – набор субстанций тонких, и тем ценна.
И с каждой рядом – на картонке – ее цена.
Они лежат: одна, вторая... штук пять за ней...
А кто-то ходит, выбирая, чтоб пожирней.
Котлы, кастрюли, сковородки – потом. Потом
и черти, жаждущие водки, и суп с котом.
Какие смоляные лужи? Какой огонь?

Нет. Мертвый лед, слепая стужа да рыба вонь.³

Странно, что она вспомнила весь стишок без труда. Действительно, какой огонь? Она и сама, воображая преисподнюю, предпочла бы лед. И снег. И горы. И лыжи... Лариса усмехнулась неожиданному повороту мыслей.

Так вот, Радик гордился подобными публикациями в «толстяках» безмерно. Это, говорил, уровень...

Какой уровень? Кому он нужен, этот уровень? Кто читает поэзию сейчас? Такие же, как он сам, неудачники...

³ Стихотворение Г. Рябова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.